

**Коля
Александрович**

Войны Кофе и Чая
Книга 1. «Рудная Гора»

Коля Александрович Войны Кофе и Чая. Книга 1. Рудная Гора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48416306

ISBN 9785005057181

Аннотация

Благословенным весенним утром 8 марта 1971г., где-то на самом краю географии великой советской империи, на нарах камеры предварительного заключения, сокращённо КПЗ (для тех, кто не знает, но знают, похоже, все), маленького провинциального городка в южном Казахстане, с эксклюзивным и славным именем Кентау, проснулись трое молодых мужчин. Их тяжёлый сон прервали первые лучи солнца, проникшие через микроскопическое окно-форточку в мрачную камеру замка Иф местного разлива. Три графа Монте Кристо?

Содержание

Пролог	6
Пролог 2	14
Предисловие	19
Книга 1 «Рудная гора»	31
Глава 1	31
Глава 2	39
Глава 3	47
Глава 4	58
Глава 5	66
Глава 6	74
Глава 7	83
Глава 8	94
Глава 9	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Войны Кофе и Чая

Книга 1. Рудная Гора

Коля Александрович

Редактор Гульнара Кошкулова

© Коля Александрович, 2019

ISBN 978-5-0050-5718-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-5719-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дизайн макета – Г. Н. Кошкулова

Город Кентау был образован на базе рабочего посёлка Миргалимсай в целях развития Ачисайского полиметаллического месторождения. 1 августа 1955 года был издан указ о переименовании посёлка Миргалимсай в г. Кентау.

Основу экономики собственно города составляли и составляют крупные горнорудные и промышленные предприятия, в т.ч.:

– Кентауский трансформаторный завод

– Кентауский экскаваторный завод

– Кентауская ТЭЦ-5

– Ачисайский полиметаллический комбинат.

Население города в советское время главным образом составляли выходцы из европейской части части СССР – потомки репрессированных: греки, русские, немцы, корейцы, чеченцы и т.д., а также казахи, татары и узбеки.

Прелесть этого города заключается в том, что строили обычный советский город-завод. А получился город мечты – практически Оазис.

65-летию образования города Кентау

и его харизматичным горожанам посвящается

Пролог

Что-то не так было с этим городом. Что-то аномальное. Отличающее его от других городов. Капелька лоска. Капелька блеска. Капелька высокомерия. Капелька самоуверенности.

Капелька снисходительного превосходства, что отличает великого чемпиона от просто успешного спортсмена.

Город был полон хулиганами. Но не обычными, как у всех. В городе твоего детства и юности по определению, не может быть ничего обычного. В нём аномальны даже хулиганы. Город был полон радиохулиганами. Они хулиганили не на улицах города, а на просторах эфира. На средних волнах.

*В одной компании с ними хулиганили **Beatles, Rolling Stones, Deep Purple, Scorpions, Nazareth, Demis Roussos** и весь цвет мировой музыкальной культуры. Автор сожалеет, что в этом романе не хватит места, чтобы перечислить их всех. Всех городских радиохулиганов и всех хулиганов мировой музыкальной культуры.*

Пацаны занимались в Доме пионеров в секции «Радиодело». Рядом, буквально в двух сотнях метрах от них, в городском Роддоме рождались на свет маленькие чудесные розовые младенцы. А в их секции «Радиодело» тоже рождались на свет маленькие милые розовые радиосхемы передаточ-

ных устройств звука. Сначала на бумаге, а затем и наяву. Розовые младенцы и розовые радиосхемы рождались одновременно. Практически в унисон. И, поверьте мне, а я верю, что вы мне верите, эти мужские роды радиосхем, иногда смахивали по своим перипетиям на эти женские роды младенцев. Со всеми вытекающими. Обстоятельствами.

И пусть слово «розовые» не сбивает вас с толку. Когда надо будет, Автор сам вас с него собьёт.

Радиосхемы росли, становились всё сложнее и совершеннее. Один в один с ними развивались и пацаны. Время не стояло на месте. Практика была мерилom теории.

Потом пацаны вырастали, торжественно уходили из Дома пионеров на Дембель – в большую жизнь, а их место занимали другие пацаны с душевной тягой к радиосхемам и техническим знаниям, и казалось, что этот кругооборот пацанов технарей в природе будет вечным. И так было интересно заниматься в этом кружке, что даже некоторые пацаны – чистые гуманитарии по своей природе и те подпадали под эту магию.

А после Дембеля, эти знания не давали повзрослевшим пацанам покоя и некоторые из них, особенно беспокойные и продвинутые, конструировали и собирали свои радиостанции уже дома. Регистрировать официально их было хлопотно, а подчас и невозможно. И они начинали работать неофициально. Они начинали хулиганить.

Свои радиостанции они называли с лёгкой долей иронии –

«шарманки». А себя называли не хулиганами, а «шарманщиками».

И легкая доля иронии здесь тоже имела место.

– *Внимание, внимание, работает и проходит Дамский Слесарь. Дамский Слесарь работает и проходит на средних волнах эфира. Срочный ремонт и профилактика женских сердец и души музыкой. Чиню, паяю – сердца спасаю. Скажи аптеке нет. Скажи музыке – да!*

Сегодня вы узнаете немного новостей и сплетен о жизни города, и всё, или почти всё, о творчестве группы...

И дальше было море музыки...

В семидесятые годы двадцатого века, в годы острого соперничества социализма и капитализма до советских людей с запада, от проклятых буржуинов, доходили лишь скромные слабенькие музыкальные ручейки, да и то в основном из европейских соцстран. Вспомним «Кабачок тринадцать стульев». Во главе с Паном Директором и Паном Ведущим. То бишь с блистательными Спартаком Мишулиным и Михаилом Державиным.

Этот музыкальный ручеек был глотком кислорода для всех нас. Но дышать хотелось глубоко и стабильно. Дышать хотелось полной грудью. Без всяких там лимитов и глупого деления музыки на нашу и не нашу. Чистый воздух, чистая вода, тонкий юмор и безопасный секс, что ещё было

нужно строителям развитого социализма, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы?

Этого добра в городе было как грязи. В смысле: ешь – не хочу. В дополнение к этим четырём мощным ништякам, к этому, не побоюсь этого слова, уникальному природному комплексу: чистому воздуху, чистой воде, тонкому юмору и некоммерческому сексу, у города было своё персональное музыкальное море. И оно было не хуже любого иного моря мира. И не хуже любого океана.

С этим морем мы дышали полной грудью. Кислородное голодание нам было неведомо. Пусть голодают и задыхаются другие.

В Доме пионеров, в секции «Радиодело», родились на свет маленькие, милые, розовые радиосхемы передаточных устройств звука.

Мы подышим.

Мы споём. Мы станцуем. Мы сыграем. Мы расскажем. Мы спародируем. Мы спровоцируем. Мы порвём вас самым изощрённым способом. В любой момент. Когда захотим. Или, когда вы сами захотите этого... Почему?

В аномальном городе и жители жили не самые простые. Да что уж там – совсем не простые... Я бы сказал – аномальные.

Музыкальные фанаты города и вовсе считали, что их море лучше любого иного моря мира. И лучше всех океанов. Какими бы тихими или буйными они не были. Включая самого кроткого из них.

Жители города, а гостям сам бог велел, могли в любой момент купаться в своём море. На персональном пляже. Неограниченно по времени. Независимо от температуры воздуха. От силы ветра. От осадков. От наличия автомобильной стоянки. Независимо от слов песни Маргулиса из «Машины времени»:

«Поднят ворот, пуст карман.

Он не молод и вечно пьян...

Обречённо летит душа,

От саксофона до ножа...»

С морем в городе появились свои «шаланды», своя «кефаль», свои «биндюжники» и свои Костя с Соней. И были

они такие же классные, как те, из песни Леонида Утёсова про Одессу. С морем в городе появилась романтика. С морем это был город курорт. С морем это был город блюз.

Закон относился к этому неодобрительно. Закон инстинктивно хотел иметь хоть какой-то навар с любого хулиганства. Но город стоял за своих хулиганов горой. В прямом и переносном смысле. «Рудная Гора». Такое имя было у города. Довольно жесткое. И вполне себе brutальное. Но...

Это был очень добрый город. Это был очень южный город.

В нём было столько романтики, поэзии и позитива, столько света, цветов и доброты, столько надежды на лучшее, стабильности и любви, что можно было собирать пессимистов со всей огромной страны и привозить их в этот маленький город на излечение от страшного недуга. Чтобы они полной грудью дышали воздухом этого города как лекарством.

И можно с уверенностью сказать, нечто неуловимое и загадочное, что было разлито творцом в атмосфере этого места, наверняка и неизбежно исцелило бы этих несчастных и продлило их жизнь и повысило качество этой жизни на высоту, о которой им и не мечталось. Ведь способность мечтать – удел оптимистов.

Пессимизм как вирус гриппа – подцепить его легко, а вылечить сложно. Автор и сам, случалось, цеплял этот вирус

и ему бывало даже страшно.

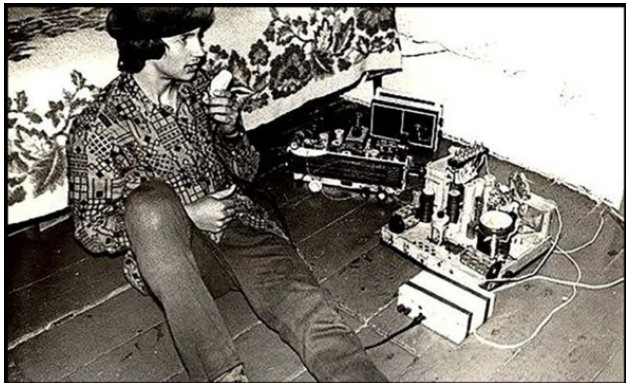
Пессимисту всегда трудно и страшно. Для него это норма. Это его крест.

Автор уже довольно давно понял, что дураки и пессимисты долго не живут. А жить хотелось долго. Жить хотелось так, чтобы депрессия была у других.

И он побеждал эту инфекцию. Мысленно возвращаясь в этот город и качая оттуда энергию. Мысленно обнимая этот город как любимую женщину.

Энергия присутствовала в этом месте. Энергии было столько, что даже великая Победа 9 мая 1945 года в Отечественной войне и та стала результатом этой энергии. И было неясно, исходила ли она из земных недр, или из человеческих душ.

А, может быть, в этом месте она соединялась в единое целое?

Шарманик за работой.

Пролог 2

Последний тост получился полноценным. Грамм на сто шестьдесят. По сорок грамм в каждый из четырёх гранёных стаканов. Всем поровну. Как и полагается.

От горечи и крепости самогона только вначале кривится твой рот и всего тебя как бы встряхивает и передёргивает. Как затвор винтовки. Ку-клуks-клан. Потом снова ку-клуks-клан. И ещё раз ку-клуks-клан. И так всю ночь.

Редкая кукушка сможет прокуковать столько ку-куков за раз. За весь фильм «Кин-дза-дза» не наберётся столько «ку» между пацаками и чатланами. Не всякий клаксон выдержит столь качественно «клуks» клакснуть встречным авто. Ну, а «клан» Сопрано и вовсе отдыхает. С их смешными двойными виски. В свете наших алкогольных традиций и масштабов у них там практически сухой закон.

Кто сказал? Я сказал.

Но, повторяю, встряхивает и передёргивает тебя только в начале ночи. В конце идёт слаще сахара. Типа первое и второе блюдо закончились. И наступил он. Десерт.

Банковал Большой Брюнет: – Мужики! Сегодня лучший день в моей жизни. (За кадром медленно и лирично пошла песня Лепса «Самый лучший день заходил вчера, ночью ехать лень, пробыл до утра»). Сегодня бог наградил меня... Не знаю за что... Но, если наградил, значит было за что...

Определённо что-то было... Да что там было. Было да прошло. Определённо что-то и сейчас во мне есть. То, за что меня наградила бог. Бог ведь он не Яшка – видит кому тяжко. Сегодня родился мой первенец. Пацан. Родной. Долгождан- ный. Я назову его... Я сам знаю, как назову его. Вас сегодня бог тоже не обделил. Слава богу!

Все мы хорошо знаем и никогда не забудем, что каждая шестая пуля, выпущенная по врагу в Великой войне, была выплавлена из нашей руды. Из свинца нашей «Рудной Горы».

И если не дай бог случится новая война и новые враги вдруг страстно захотят нас поиметь, то и тогда наша «Гора» задавит их своей массой и мощью. И мы ей в этом поможем. И поможем мы ей не в переносном, не в виртуаль- ном, а в самом, что ни на есть, прямом смысле. Но сегодня, в такой радостный для всех нас день, я хочу сказать о дру- гом. Сегодня я мечтаю о том, что дай нам боже, наступят такие времена, когда мы забудем о пулях и снарядах, мы за- будем о смерти, а будем думать только о жизни. И в род- доме нашего славного города будет рождаться каждый ше- стой пацан, из всех рождённых в Союзе. Вот такая у меня простая мечта... Мы продолжим лить пули, но это будут другие пули. Это будут такие горластые, розовые, чудес- ные пули на радость родителям и всем нам. Это будут та- кие маленькие замечательные живые бронбойные снаряди- ки. Которые вырастут и пробьют насквозь все проблемы, стоящие перед городом и страной.

Вы скажете, это утопия? С нашим-то роддомом на сорок посадочных мест? Торопиться не надо... Я знаю твёрдо – нет такой утопии и теории, которые нельзя реализовать реально на практике. Надо только очень сильно сосредоточиться и конкретно упереться рогом. И не в какую-нибудь виртуальную реальность. Надо сосредоточиться и упереться в конкретную проблему. Год назад рождение сына для меня было утопией. Сегодня сын у меня есть, а где та утопия? Тю-тю. Исчезла. Как сон, как утренний туман. Теперь, когда у нас есть то, о чём мы мечтали, я хочу подвести красную черту нашему ликованию. Для тех, кто не понял, скажу проще. Самогон имеет такое подлое природное свойство – заканчиваться. Рано или поздно, но всегда.

Поэтому пришла пора сказать ужё, наконец, и о главном. – О чём? – удивился Джеки.

– О главном. А главное ... – тут он сделал небольшую МХАТовскую паузу, как бы набираясь сил. Вдохнул. И выдохнул:

– Главное теперь для всех нас – лишь бы не было войны...

И четыре стеклянных гранёных стакана, посланные с большим энергетическим импульсом навстречу друг другу, столкнулись в воздухе, издав хрустальный торжествующий звон...

*И четыре граненных стакана столкнулись в воздухе,
издав хрустальный торжествующий звон.*

*Все совпадения в этом романе,
даже, на первый взгляд, совершенно случайные –
абсолютно не случайны.*

Аетор.

Предисловие

Благословенным весенним утром 8 марта 1971г., где-то на самом краю географии великой советской империи, на камерах предварительного заключения, сокращённо КПЗ (для тех, кто не знает, но знают, похоже, все), маленького провинциального городка в южном Казахстане, с эксклюзивным и славным именем Кентау, проснулись трое молодых мужчин. Их тяжёлый сон прервали первые лучи солнца, проникшие через микроскопическое окно-форточку в мрачную камеру замка Иф местного разлива.

Три графа Монте Кристо? Перебор – два графа лишних.

Граф Монте Кристо и два аббата Фариа? Опять перебор – один аббат лишний.

Граф Монте Кристо, аббат Фариа и таинственный незнакомец? Скажем проще – некто третий? Безусловно, нет. Третий – лишний. Это аксиома.

Три мушкетёра? Не так одеты, без шпаг и без Арамиса. А какие дела могут быть в замке Иф без шпаг и без Арамиса? Ни помолиться, ни про белошвеек послушать, ни надсмотрщика приколоть.

Три танкиста выпили по триста? Не хватает танка. Нет мазута на лицах. Хотя в числительных приблизительно

всё сходится. Выпили по семьсот.

Трое в лодке, не считая собаки? Не хватает лодки. Отсутствуют весла. Собаку не считаем, держим в уме, как, собственно, и хотел Джером К. Джером. Монморанси, прости.

Три плюс два? Нет, не хватает двух бутылок «Hennessy». Не хватает? Вот горе-то великое, ну метнись, возьми пару «Hennessy», добавь их к нашим трём арестантам и это будет уже другой роман.

«Hennessy» как никель и титан, стремительно ворвутся в простую сталь романа и быстро превратят её в легированную, нержавеющей и очень прочную. И чем больше будет

никеля и титана, тем качественнее будет роман. Он и называться будет совсем иначе. «Три плюс два». Или «Два плюс три». Или просто и скромно – «Пара».

Или как-то по-другому. Да по-любому, как захочешь ты сам, родной мой, любимый мой читатель (-ница). Да за пару «Hennessy», (особенно в литровом варианте), эти трое будут готовы не только название сменить. У них и сам роман может пойти совершенно в другую сторону. Учитывая, что загорают они сейчас не на Мальдивах, а чуточку правее. Если смотреть по глобусу. Тому самому. Который географ пропил. Мы ему три рюмки «Hennessy» – он нам глобус. Смотрим в глобус – где Мальдивы? Тю-тю. Островов вообще нет. Один огромный сплошной материк. С коротким суровым названием – КПЗ. И нет в нём ни одной мягкой гласной буквы. Лишь только одни жесткие согласные, твёрдые, как гранит.

И такие острые грани у этого гранита, что можно по неосторожности или глупости порезать о них всё и жизнь, и веру, и мечту, и любовь.

Тут не только пчёлы, тут и сам глобус попался неправильный. Да с таким глобусом можно не только глобус пропить. С таким глобусом действительно и сам роман может пойти совсем по-другому.

Скажу больше – жизнь пойдёт по-другому. Не моя жизнь. Твоя.

Да кто они, в конце концов, эти таинственные уголовные морды, тысяча чертей им в глотку!! И скользкие такие зара-

зы, какую мерку к ним ни примерь – всё недобор или перебор получается. А на двадцать одно ну никак не натягивается.

Триста спартанцев? Нет, одеты, конечно, довольно аскетично, в спартанском стиле, но два нуля лишние.

Трое спартанцев? А?! Каково?! Вот же оно новое название романа: «Герои Спарты и КПЗ», или «Трое спартанцев и нары», или «КПЗ как болезнь, передающаяся оральным путём через алкоголь», или «Нары помнят всё», или...

Вот тут, пожалуй, можно и притормозить, или..., нет, пожалуй, всё же притормозить, ибо, ибо... Ибо, если положить на весы внешний вид и внутреннее содержание наших арестантов, а также учесть их потенциальные возможности, которые так непредсказуемо проявятся в последующих периодах их бурной жизни, то наверняка это самое близкое по своей сути определение из всех вышеназванных на данный момент.

И, клянусь индексом Доу-Джонса (средняя цена акции тридцати крупнейших компаний США), можно даже представить их в шлемах, в спартанских латах с острыми короткими мечами и круглыми щитами, втроём перекрывших узкую горную тропу и яростно отбивающихся от надвигающихся на них снизу вверх, как морские волны, бесчисленных орд беснующихся персов.

Персы беснуются не по-детски. Они явно хотят сделать строгое физическое замечание всем трем спартанцам одновременно. Но вот незадача – горная тропка настолько узка,

что к спартамцам одновременно могут протиснуться только два перса. А два перса против троих спартамцев... Сами понимаете. И здесь мне становится даже не по себе. Даже неловко. Это как-то...

Как, собственно, и заявил актёр Евгений Моргунов в роли Бывалого в сцене торга с завскладом в фильме Леонида Гайдая «Операция Ы и другие приключения Шурика».

– Это несерьёзно!! – громко и твёрдо воскликнул он.

И было бы глупо с нашей стороны с ним спорить. Но он ошибался. Какие-то шансы у персов были.

Шансы два к трём. Сорок на шестьдесят. Как и показал бы любой тотализатор того времени. Если бы он был. А тут ещё такой горный уклон местности, один в один Кавказ, в районе Пятигорска, по красоте и углу уклона.

И когда, в этой давке, неразберихе и горячке боя, как в токийском метро в час пик, два измочаленных перса, которые, прежде чем протолкнуться в «вагон», неделю добирались до «Метро» пешком, протискиваются к троим очень сильно мотивированным и мощным спартамцам, владеющим оружием, как жонглёр кеглями, как шулер картами, как акробат телом, как дипломат языком, как Акопяны (отец и сын) пальцами, да что там – как старые мудрые евреи мозгом, да что там ещё раз – владеющим оружием, как писатель, ваш покорный слуга сюжетом, и они протискиваются к этим вир-

туозам лишь с одной примитивной и подлой целью – сделать им нехорошо и некрасиво.

Но тут сразу возникает и вторая задача. Горный уклон играет с персами злую шутку. Наступать в гору, снизу вверх труднее, чем сверху вниз. Сила тяжести играет против тебя. Это, как в большом теннисе играть против сильного ветра. Трудно понять, насколько он сильный...

Умные спартанцы специально заставили их нарушить эту классическую заповедь – «умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт», встретив их там, где невозможно обойти гору, проявив при этом тактическую грамотность и знание законов физики. (Словно бы все трое в своё время были выпускниками средней школы №3 – имени «30 лет Казахстана», «тридцатилетки», города «Рудная Гора» и учили физику у Яна Георгиевича Дамианиди.

Так случилось, что физику у Яна Георгиевича учили все. И тот, кто этого хотел, и тот, кто этого не хотел. В смысле и физики и лирики. И технари, и гуманитарии. И даже ботаники. (Отдельные индивидуумы, склонные к изучению биологии, а также будущие ветеринарные врачи). Похоже, и наши спартанцы попали под мощную харизму Яна Георгиевича. Уж очень ловко они использовали Закон всемирного тяготения в свою пользу).

Так, помимо этого спартанцы встретили персов в точке, где они имели численное преимущество. То есть грамотно использовали рельеф местности.

Махач ещё не начался, а его предчувствие уже будоражило кровь, расширяло зрачки, будило и согревало мозги. Махач ещё не начался, а Счёт на огромном Табло был уже «2 – 0» в пользу спартанцев. Нехилая такая фора.

Персы, из-за горного уклона, находятся ниже спартанцев, и упираются взглядом не глаза в глаза, как и полагается серьёзным бойцам, чтобы твой соперник сразу осознал всю непоколебимость твоих намерений и ощутил по мурашкам на коже силу твоего духа, а аккурат, в то самое, сакральное для настоящих мужчин место, которое..., ну как бы это сказать, э..э., ну вот если вы женщина, то вам по пояс будет. Этот, казалось бы, маленький нюанс, явно не способствует душевному равновесию нападающих, так как пересмотреть в таких условиях противника довольно затруднительно.

Там, куда они упираются взглядом, не моргают.

В общем, визави персов кажутся им Голиафами. А себе они кажутся даже не Давидами, а какими-то малоросликами, я бы даже сказал, хоббитами. Что в целом довольно резко снижает их самооценку.

Нет, они не какие-то там сказочные персонажи, они два обычных перса, ростом 160см. весом 60кг. И никогда раньше в своей жизни они не размышляли о своём росте и весе. Всё было нормально. Обычно. Средне. Я бы даже сказал среднеарифметически. *И вдруг они протискиваются к трём Николаям Валугевым (Николай Валугев – экс-чемпион мира по боксу в супертяжёлом весе среди профес-*

сионалов. Депутат Государственной Думы. Тёзка Автора. В натуре), каждый из которых весом 146 кг., ростом 213 см...

И все трое с валуевскими несладкими контурами лица и черепа.

Персы смотрят на них снизу вверх. Как дети на взрослых. Как пигмеи на великанов. Как абитуриенты театральных вузов на приёмную комиссию. Как юные актрисы на своих первых режиссёров. Мамма мия! Все они, включая персов, каждой клеточкой тела, каждой извилиной мозга, каждым флюидом души чувствуют одно и то же. Перед ними не люди. Перед ними боги.

Ну, в общем... Как бы это помягче сказать... Горный оптический обман. Эмоциональный мираж.

И тут, неожиданно для всех, у персов в голове происходит «взрыв» мозга. Два мозга «взрываются» одновременно.

Пухх! Это ключевой момент в жизни любого бойца.

Вся жизнь пролетает перед их внутренним взором. А уже потом они сами пролетают как фанера над Парижем.

А перед этим полётом они наверняка слышат своего великого земляка Омара Хайяма, который мрачно, скорбно и заунывно читает им голосом поэта Иосифа Бродского каждому по рубаю:

«Наша роль в этом мире – прийти и уйти.

И никто нам не скажет о смысле пути».

И тут же контрольный выстрел.

*«Не оплакивай смертный вчерашних потерь...
День сегодняшний, завтрашней меркой не мерь...
Ни бывлой, ни грядущей минуте не верь...
Верь минуте текущей – будь счастлив теперь...»*

Мудрецы всегда дают такие советы, которыми очень трудно воспользоваться.

Персы бы и рады не оплакивать, не мерить, а поверить. И улыбнутся прямо здесь и теперь. Искренне и бесхитростно. А потом, как бы невзначай, но ловко и крепко ухватить птицу Удачи сильной рукой за её красивые крылья цвета ультрамарин.

Но вот же оно гадство какое – эти трое не дают!

Есть такой тип мужчины, условно назовём его «мужчина, ослабленный жизнью», который постоянно испытывает это тревожное чувство, что ему все что-то должны, но не дают. Или не додают.

Девушки, обстоятельства, крупье, кассиры, чиновники, спартанцы...

И список этот, как вы уже догадались сами, не окончательный.

Как губка, впитав в себя мудрость Омара, персы отчётливо и пронзительно понимают, что... ошиблись со станцией «Метро». Отсюда они явно никуда не уедут. Даже до следующей станции. Я уже молчу про конечную.

И ещё понимают персы, что на красивые крылья цвета ультрамарин положили свой глаз не только они. Но и эти трое с мечами. И чтобы двоим персам одолеть троих спартанцев должно случиться чудо.

И не простое ординарное чудо, а Чудо-юдо невозможное. Апокалиптическое. В смысле офонарительное.

Но, даже если случится Чудо, а чудеса случаются, и они на кураже, адреналине и тестостероне прорвутся в «Метро», догонят уходящий поезд, острыми клинками разомкнут закрывшуюся дверь, последнюю дверь последнего вагона и вломятся туда, скрежеща дамасской сталью и персидской ненавистью, даже тогда, когда они перережут всех пассажиров, и обдерут их ещё тёплые трупы до последней нитки, и будут весело соревноваться друг с другом у кого больше мешок с добычей, даже тогда, в любой момент, с пугающей неизбежностью и лёгкостью, для любого из них и даже для двоих одновременно, этот вагон вдруг в один миг превратиться в Лодку, плывущую по реке Стикс, и тут уже ори не ори «Я убью тебя Лодочник!» делу не поможешь.

Туда, куда плывёт Лодка, добычу не пронесёшь. Лодочник соткан из тумана и знает своё дело. Его имя начинает-

ся с большой буквы Х. В смысле, Харон (Харон – мистическое существо в древнегреческих мифах, перевозящее в своей Лодке через реку Стикс, души умерших людей из Царства Живых в Царство Мёртвых). И, как только вы его видите рядом с собой, вся ваша жизнь вдруг тоже превращается в большую букву Х. В смысле ХанА. С ним эта универсальная формула «Если нельзя убить, значит надо купить» и наоборот «Если нельзя купить, значит надо убить» не работает. (Многие пытались. Обломилось у всех.) Трудовой стаж лодочника исчисляется тысячелетиями, но пенсия ему не светит. Да какая тут пенсия – работы невпроворот. В смысле – очень много работы.

Численное превосходство спартанцев плюс их физические кондиции стремительно превращают счёт в 4 – 0.

Отвага, мужество, мастерство воина и, главное, невероятная сила духа превращают счёт в разгромный.

5 – 0

И в этот самый момент в дело мощно вступает знаменитая группа «Чайф» и начинает качественно качать свой знаменитый хит:

«Какая боль, какая боль,

«Аргентина» – «Ямайка»: 5 – 0.

Книга 1 «Рудная гора»

*Много прошу у тебя, Боже?
Ну, так сколько дашь, за столько
и спросишь...*

Глава 1

Всемирный закон подлости, он ведь чем силён – стоит человеку попасть в ситуацию, когда он вдруг умнеет (или устаёт) и уже не хочет ни воевать, ни убивать, ни воровать, ни предавать, ни лицемерить, ни оскорблять, ни обманывать и, вообще, не хочет делать другим нехорошо и некрасиво, хотя бы по мелочам, и даже тогда, когда об этом никто из людей никогда не узнает, и даже в наивном неведении останется сам Закон, а будет знать только он один, и он уже готов верить минуте текущей и быть счастливым теперь, как тут же бац! и нет у него той минуты, а есть секунд десять, максимум двадцать. И вот она – расплата за бесцельно прожитые годы.

Бац! и перед тобой уже трое спартанцев. С мечами. Ростом по 213 см. Весом по 146 кг. Каждый. С лицами, не отягощенными Голливудом. И что самое обидное, ведь это не они к тебе, а ты сам к ним пришёл. На своих двоих.

И как же это так получилось, что все дороги ведут к Хра-

му, как утверждают великие философы и мудрецы, а твоя дорога привела тебя к трём мечам, не знающим жалости.

Что ты успел сделать такого, несчастный, что вместо молитвы божьей и благодати в душе, провидение послало тебе меч в бок, копьё в грудь, стрелу в лоб – хлоп!!! И всё. Давай, до свидания... Десять – двадцать секунд – это совсем мало, они пролетают как один миг и чик – уноси готовенького. Чик – кто на новенького. Чик-чирик – и ты уже в Лодке. Тебя уже везет. Товарищ с именем на букву Х. Бесплатно. За счёт объединённой подземно-небесной канцелярии. Туда откуда нет возврата. Если попадёшь в Рай, твой круиз в Лодке Харона оплатит Небесная канцелярия.

*Туда, куда плывет Лодка,
добычу не пронесёшь. И тут уже, ори, не ори
«Я убью тебя, лодочник!» – делу не поможешь.*

Если в Ад – Подземная канцелярия. И всё по безналу. Как

и полагается для серьёзных организаций.

И ты вдруг слышишь где-то рядом этот сладкий голос певицы из автомобильной магнитолы – «Вояж, Вояж...». И снова – «Вояж, Вояж...». И ещё «Voyage, Voyage...». (Дизайрлес – французская певица, популярная в 80-х годах прошлого века со своим хитом «Вояж, вояж.»)

Боже. Этот хит ты слышал последние лет двадцать пять, а то и тридцать, из магнитол всех своих автомобилей. И ты никогда не переключал на другой канал. Кажется невероятным, но ни разу за столь долгий срок рука не поднялась, чтобы нажать на кнопку другой радиостанции.

Браво, Дизайрлес

Хит, он потому и хит, что не надоедает. Но откуда ему было взяться на этой лодке? Туман такой, что непонятно, то ли на том конце Лодки везут тачку и из её магнитолы играет музыка... Которой на средних волнах известный на всю «Гору» радиохулиган, он же шарманщик «Дамский Слесарь», лечит женские сердца и души. То ли саму певицу везут в последний путь, и она со страха решила тряхнуть стариной...

Если это «Дамский Слесарь», то уважуха. Смог парень собрать такую мощную радиостанцию, что даже на Лодке Харона магнитолы ловят.

Не зря значит стоит там в городе «Рудная Гора» Дом пионеров в двух шагах от Роддома. И не зря значит в своё время рождались в нём маленькие розовые милые схемы передаточных устройств звука... Выросли, брошенные в хо-

рошую землю, качественные семена. А если певица... Надо пойти, познакомиться. Пообщаться. По-простому. По-нашенски. По-свойски. Сказать ей, с улыбкой:

– Привет, Дизайрлес. Как жизнь? Как сама? Автографом не побалуешь? Фоткой не угостишь?

Выразить своё уважение. Выразить своё восхищение её талантом. Когда ещё случай подвернётся.

Лекарство, которое вылечит вам сердце конечно можно купить и в аптеке. А где вы найдёте лекарство, которое вылечит вам душу? Нет таких аптек, не было и не будет.

Отсюда и уважение, и преклонение, и восхищение перед даром божьим. Истинные ценители знают. Поют многие. А душу и сердце голосом лечат единицы.

Это как в футболе. В футбол играют все – выигрывают только немцы. (И не надо здесь роптать. Любителям испанского, английского, бразильского, аргентинского, португальского футбола. Автор и сам знает: в каждом правиле есть свои исключения).

А если девчонка ещё в форме, так может и вовсе разрушить с ней прямо здесь какие-то правила приличия. А если она ещё и на тачке... Так можно прыгнуть за руль, ударить по газам и вперёд! Поехать посмотреть, что тут да как. Понять как на Лодке всё устроено... А то, кто его знает, сколько плыть придётся до пункта назначения. Может день, а может год. А может век.

Погибнуть в бою от удара копья или меча это одно. А от-

кинуть ласты от скуки на чужой Лодке, направляясь неизвестно куда, не в силах, что-либо изменить – это совсем другое. Позорный для мужчины сюжет.

А хит, конечно, у подруги получился на славу. Так и хочется подпевать «Вояж, вояж...». И голос действительно лечебный, нежнейший. Таким голосом не только женские сердца и души можно лечить, тут и грубые мужские сердца, и души начинают трепетать и подлечиваться. Кровь теряет лишний сахар, давление приходит в норму, сосуды становятся чистыми и эластичными, как в детстве, тромбы рассасываются, а слово подагра вовсе и не болезнь, от которой умирают звёзды поп-культуры в 38 лет, а просто нецензурное ругательство, для связки слов в предложении. Наивное и безобидное. По сравнению с самой подагрой.

С таким голосом и Лодка Харона – не ужас, летящий на крыльях ночи, а прямо Профилакторий комбината «Ач-полиметалл» какой-то. В натуре.

Раньше ты думал, что «Вояж, вояж...» это что-то такое легкое, романтичное. Что-то о путешествиях, о туризме. Что-то о курортных романах. А тут неожиданно у тебя наклёвывается совсем другой роман. Роман со смертью. И интригующая прелюдия романа в самом разгаре. И этот туман, и эта песня, и эта лодка, и эта тачка, и эта певица, и этот мужик, чьё имя начинается на букву Х, – это уже и есть предварительные ласки. И это точно не морское побережье. Не Рижское взморье, не Анталья, не курорты Средиземно-

морья, и не пляжи Санта Моники. Это река с именем на букву С., и вы плывете не вдоль, а поперёк... И цель уже близка. «Вояж, вояж...»

И твой мешок с добычей, и руки по локоть в крови, и этот неистребимый блеск алчности в глазах, который не погасить и всем золотом мира, и который вопит: «ещё», «ещё» и будут там главным пропуском в ту или иную дверь. А их, как известно, всего лишь две. Выбор-то небольшой.

И встретит тебя там апостол Пётр, посмотрит тебе в глаза секунды три-четыре, окинет взором твою фигуру, а ты весь такой потный, окровавленный, с дурацким мешком в руках... И в глазах такая муть... В общем, «красавелло...»

И подумает Пётр —

«Господи мой боже, зеленоглазый мой,
Пока земля ещё вертится и это ей странно самой,
Пока ещё хватает времени и огня,
Дай же ты всем понемногу и не забудь про меня...»
(Автор стихов Булат Окуджава)

А ещё подумает Петр – как же они любят чужое... Так чужое манит, что готовы и жизнь свою за это положить и душу свою бессмертную на кон поставить...

И стоит ему это подумать, как чик и ты уже в котле с кипятком варишься, и черти вокруг котла суетятся, всё нороят дровишек в огонь подбросить.

Душу на кон ставил? Ты её проиграл. Автоматически.

И неизбежно. Причём сразу. В момент ставки.

Это сколько же котлов требуется, чтобы охватить, так сказать, весь контингент окровавленных, потных..., с мутным взором, с тяжестью в груди от булыжников за пазухой...?

Бездушных. (Поставивших душу на кон и проигравших её за понюшку табака).

Это прям возврат в советские времена. Объявление.

«Заводу по производству котлов требуются...»

И, хренакс! список из восьмидесяти девяти пунктов! Судя по объявлению, тогда люди были нужны фабрикам и заводам. А сейчас никто не нужен никому. Сейчас котлы все импортные... Вместо того, чтобы любить, творить, создавать, изобретать, лечить, сочинять музыку, писать стихи, (на крайний случай, хотя бы прозу), танцевать, рисовать, строить, ваять, учить детей, преодолевать преграды, создавать духовные и материальные бриллианты, будущие клиенты ада всю свою короткую жизнь тащатся куда-то очень далеко или не очень далеко с единственной примитивной целью – Уничтожить.

Всё.

Что.

Стоит.

На.

Их.

Пути.

Мудрец учил их радоваться жизни. Глупцы. Они выбрали

смерть. Короче.

– Ваши не пляшут..., – вкрадчиво заметил Марис Лиела, обращаясь к персам.

– Не верю! – категорично нагрубил персам

Станиславский.

– Щенки, – коротко и презрительно бросил персам Михаил Боярский. Вот такой расклад дали уважаемые эксперты этой ситуации. Всего лишь несколько коротких слов авторитетных людей. И вот уже шансы персов не два к трём, а два к трёмстам.

Глава 2

Спартанцы рубят мечами, мечут пращами, пронзают копьями, стрелами, дротиками, орут что-то нелитературное, возможно, даже нелицеприятное, бьют щитами, ногами, кулаками, испепеляют взглядами, грызут зубами, плюют харчками, а персы падают, падают, падают... И пока персы падают, Спарта живёт.

Вглядевшись в эти спартанские лица, видя какой ненавистью обезображены их черты и каким огнём страсти кипят их глаза, начинаешь осознавать, что может быть и не так неуместна огромная оскорбительная надпись на самой высокой скале, нависающей над тропой битвы, сделанная каким-то «романтичным» граффити сочувствующем Спарте о том, что —

«Наши мечи, щиты и копья могут сломаться о ваши тупые головы. У нас может закончиться запас стрел и дротиков. Но харчков у нас на всю „Персию“ хватит! Янки гоу хум!! Смерть пиндосам!!!»

Леонид и К.

Надпись сделана на чистом русском языке.

Да, похоже, мы на верном пути, эти трое – спартанцы. А раз так – Спарта рубит. В смысле Спарта – рулит.

Впрочем, чего гадать, нам точно известно – это были блондин и два брюнета. А еще точнее – русский, грек и китаец. Известно также, что они не граждане Спарты. Они не герои Рима, Карфагена, Сиракуз.

– Возможно, они вообще не герои.

Они никогда не работали и не подрабатывали гладиаторами. (Не было такой профессии в СССР. Такой профессии не было даже в Кентау. Желание было, а профессии не было). Не о них писали в «Илиаде» и «Одиссее». О них не писали также в газетах «Правда» и «Известия». Не факт, что кто-то догадывался об их существовании в газете «Аргументы и факты» (по причине того, что в 1971г. аргументы ещё не накопились, и сия газета не издавалась вовсе). Не было слышно о них и в таких изданиях как «Юный натуралист», «Мурзилка» и «Наука и жизнь». Да и не мудрено.

Жизни в них было хоть отбавляй. А наука пока отсутствовала напрочь. (Ключевым здесь является не слово «напрочь», а слово «пока»).

Да они все были натуралами, местами где-то даже натуралистами, но уже далеко не юными. Трудно назвать юным человека, которому стукнуло двадцать пять лет. Четвертак, как говорят в народе. Тот самый, о котором пел незабвенный Владимир Высоцкий: «А всё-таки обидно, что за просто так выкинуть из жизни цельный четвертак...»

С другой стороны, трудно назвать старым человека, которому стукнул четвертак. Стукнул то он, конечно, стукнул, но так пока ещё легонько. Я бы даже сказал нежно. Да практически и не стукнул, а так, ласково прикоснулся и погладил щеку мягкой и тонкой девичьей рукой...

Ненавязчиво напоминая: – Парниша, советские ЗАГСЫ работают с девяти утра до шести вечера. Пять дней в неделю... Не проспи своё счастье, дурачок...

Следующий четвертак стукнет уже совсем по-другому. Куда и нежность вся исчезнет?

Ну, а третий четвертак так стукнет, что мало не покажется. А потом догонит и вовсе может навалить, как Мохаммед Али. Как Тайсон. Или как Геннадий Геннадиевич Головкин – GGG – Трипл джи. Уж он то так навалит... Аж искры из глаз полетят от зубодробительного джеба или мощного апперкота. Прикуривай, дядя.

А четвёртый четвертак – это уже премиальный. Бонус для избранных. Не каждый может на него рассчитывать. Это для сверх одарённых здоровьем, силой духа и воли, за «Особые заслуги перед Небесной Канцелярией».

Между нами девочками говоря, Автор о нём даже и не мечтает. Даже о нём и не думает. Ну не чувствует он за собой особых заслуг. А что делать...

Как думал один из героев романа «Войны Кофе и Чая»: «Что есть, то есть. А чего нет, то, где же его взять...»

Не лишним будет напомнить, что слово арестант, звучит конечно ужасно, да что там, просто режет слух, но наши арестанты свои четвертаки никуда из своей жизни не выбрасывали и в дальнейшем ничего такого себе не позволяли. Ну, а другим тем более.

Более того, в этом смысле были довольно экономными, если не сказать скаредными.

В общем, к своим двадцати пяти годам уже имели немалый жизненный актив. И довольно позитивный.

И каждый из них держался за этот свой ещё пока единственный четвертак и зубами и когтями. Пассатижами не вырвешь. Да и не советую я никому. Пассатижи даже в руки не бери. Не надо!

Ибо каждый из этих троих за этот свой четвертак, мог тебе кадык вырвать. Руками. Без всяких пассатижей.

Ну, а потом, естественно, и твои руки. Вырвать. Вместе с пассатижами. А я предупреждал...

Так что будь вежлив с ними, друг мой. Будь с ними благодарен. Если тебе дороги твои четвертаки... Те, которые у тебя есть.

И те, которые у тебя ещё будут.

И всё-таки не они бороздили моря и океаны в надежде отыскать Золотое Руно или Аленький Цветочек. Не они штурмовали стены Трои и Отрара. Не они мечтали записаться в отряд космонавтов и высаживать яблони на Марсе. Увы.

И если бы кто-то сказал лейтенанту, дежурившему сего-

дня ночью в КПЗ, молодому парню казаху, что через тридцать лет, двое из этих троих пьяных, задрипанных, бесправных и несчастных (как показалось лейтенанту) арестантов, войдут в список «Forbes», отжав у сложившейся экономической действительности по миллиарду баксов на каждый свой палец рук, а дети этих арестантов дойдут и до пальцев ног, он бы просто не понял, о чём речь. Не потому, что он был тупой или чё. Просто миллиард баксов для него был неподъёмной цифрой. Он не мог охватить эту цифру своим молодым лейтенантским мозгом.

Казалось бы, ну что такого – 1 ярд? Просто и коротко. Без завитушек. Ан нет. Ни руками обхватить. Ни мягким метром измерить. Всё то, что мы не можем охватить своим воображением, руками, мягким метром и даже пятиметровой металлической рулеткой, легко может охватить наш мыслительный аппарат. Сначала по частям, а потом и целиком. И подавить нашу волю и наше стремление к прекрасному. И подменить истинные цели нашего пути на призрачные. Если этому не сопротивляться. Миллиард баксов (тысяча миллионов), был для молодого лейтенанта милиции 8 марта 1971 года на краю географии великой советской империи символом бесконечности.

А что такое бесконечность?

Можно подумать, мы с вами знаем, что такое бесконеч-

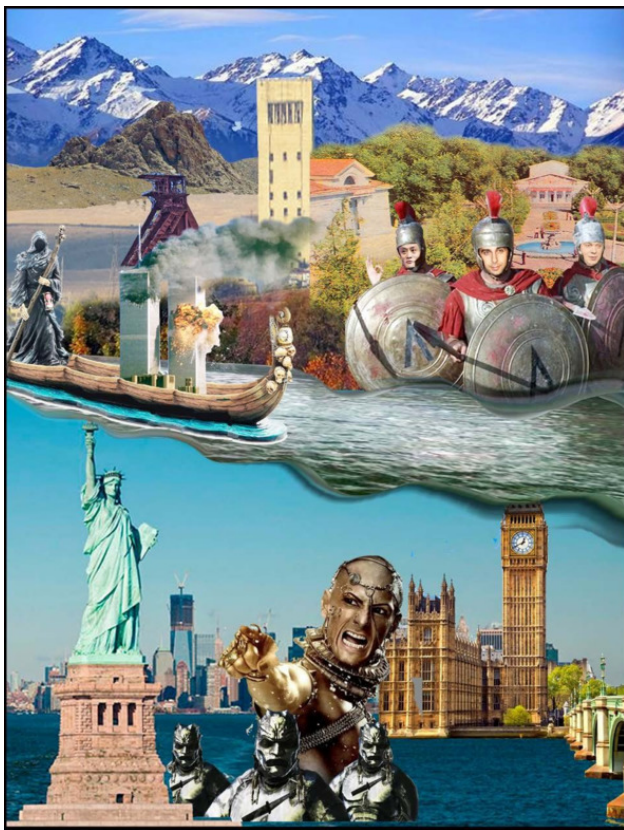
ность. Вот лично вы знаете, что такое бесконечность? Только честно. Не хихикая и не дёргая веком. Сможете объяснить тем, кто не знает? Вот то-то и оно. Лейтенанту легче было считать, что это трое спартанцев, пропивших своё оружие и экипировку по случаю дня Восьмого марта. И подравшихся, друг с другом, потому что

персов поблизости не было.

Для дежурного они были просто очередными плохими парнями в длинной веренице клиентов его спецзаведения. Другие в КПЗ не сидят. Если бы они были героями анекдота, им было бы легче. Подумаешь, травили бы про них всякие небылицы типа: «а попали как-то один блондин и два брюнета в КПЗ и парятся там до посинения». Им бы всё это было по барабану. Герои анекдотов сраму не имут. А так... Барабанов под рукой у них точно не было. Все трое испытывали чувство глубокой досады. Впрочем, это не точно сказано. Они испытывали такое чувство..., что лучше бы им было... *сдохнуть*, там, на горной узкой тропе, с острой сталью в руках, глядя в бешеные глаза надвигающихся персов, за Родину..., за Сталина... Чем гнить здесь, в неволе, осознавая, что —

глупость, которую может сотворить мужчина, безмерна.

Попадание сюда было для них делом неожиданным и непредсказуемым, а пребывание здесь крайне нежелательным. Ибо, ибо... Ибо, для любого нормального человека пребывание в КПЗ крайне нежелательно. Ну, а им то и подавно, сам бог велел быть сейчас совсем в другом месте. Причём срочно. Но, похоже, что вырваться отсюда в любое другое место им удастся не ранее чем через 15 суток. А 15 суток при определённых обстоятельствах – это маленькая жизнь. Или маленькая смерть.

Персы беснуются не по-детски. Они явно хотят сделать строгое физическое замечание всем трем спартамцам.

Глава 3

Это может показаться странным, но благословенным утром 8 марта 1971г., не всё население СССР сидело в КПЗ. И не все граждане просыпались на нарах, дыша друг на друга густым вчерашним перегаром. Некоторые всё ещё оставались на воле. Возможно, этому способствовал тот факт, что просыпались они в пяти тысячах километров от предыдущих сонь, на западных подступах к империи. Но нельзя отрицать и того, что было между ними и большое сходство, потому что именно те самые лучики солнца и здесь будили жителей и жительниц Союза. Но и различия между ними всётаки были.

Возьмём, к примеру, Токареву Татьяну Леонидовну. Она не только не сидела в КПЗ, но даже и не знала, что это такое. Наивное создание с неразвитым сознанием, далёкое от правды жизни, подумаете вы. Не надо торопиться. Бывалым завсегдатаям КПЗ, знающим о жизни всё и даже немного больше, не стоит смотреть на ТТЛ свысока. Есть одно маленькое, но существенное обстоятельство. Благословенным утром 8 марта 1971г. Татьяне Леонидовне исполнилось ровно три года. Я повторяю – не тридцать три, не сорок три, а три. Просто три года. И всё в её жизни было ещё впереди.

А не позади. Как у постоянных клиентов КПЗ, думающих, что они знают о жизни всё и даже немного больше.

Три года. Хороший возраст. Нежный возраст. Так бы и махнулся, не глядя на свою суровость. На свои ...дцать. Ах, уже не помню сколько. Запутался в окончаниях. Пойду, уточню в паспорте. Потому как интуитивно чувю, что больше мне, чем три года. Раза в два больше. А то и в три.

Три года. Возраст надежд и чистого детского счастья. Возраст, когда человеку для счастья не нужен целый мир и вечная любовь. И даже просторная отдельная камера предварительного заключения, с евроремонтom и со всеми благами цивилизованного мира: туалетом, душем, телевизором, тренажёрным залом, соткой, ноутбуком, интернетом, кондиционером, бассейном, баней, оранжереей. Вполне достаточно и того, что у неё есть под рукой.

И под рукой у неё было всё, что нужно для счастья трёхлетней красотке.

Кстати, вышеперечисленные блага цивилизованного мира автор расставил в произвольном порядке, а не в приоритетном. У каждого свой приоритет. И зависит он от многих факторов. На очень южном юге на первом месте может быть кондиционер. А на очень северном севере тёплый клозет. А на западе это может быть ноутбук. А на востоке оранжерея. А на Урале это может быть Виктор Цой. Потому что «Если есть в кармане пачка сигарет, значит всё не так уж плохо на сегодняшний день...»

Я с теми, кто считает, что Виктор Цой жив. Почему?

«Почему, дружок, да потому,
Что я жизнь учу не по учебникам.
Просто я работаю, просто я работаю
Волшебником. ВОЛШЕБНИКОМ».
(Стихи поэта Льва Ошанина).

И я точно знаю. Пока Виктор Цой жив – жив и я. А когда он умрёт. В моей душе. Я долго не протяну...

Времени, чтобы понять, что такое жизнь, где зимуют раки, где и как эти раки свистят, куда Макар гоняет своих телят, что такое кузькина мать и многое, многое другое у неё впереди было предостаточно. Чувствовала она себя хорошо, на здоровье, возраст и социальное положение не жаловалась и довольно оптимистично смотрела голубыми глазами в своё светлое будущее. Она не заморачивалась по поводу мировых проблем того времени, как-то (смотри дальше, на страницах романа).

У неё были свои проблемы, которые, впрочем, она решала легко и непринуждённо. Чужого ей было не надо. А своё детство она и сама никому не отдаст. Попробуй отбери детство, когда в гарантах у неё за спиной вся великая Советская Империя. В общем, всё было путём. Жизнь шла своим чередом. А тут как раз и праздник накати.

Надо признать, что это событие не ускользнуло от ближайшего окружения именинницы. И в детском саду, небольшого

военного городка советской армии, расположенного в пригороде большого города Берлин, был дан грандиозный праздничный утренник, посвящённый не только женскому дню 8 Марта, но и конкретно маленькой трёхлетней имениннице по имени Татьяна.

Первой скрипкой, гвоздём, изюминкой, и, не побоюсь этого слова, эмоциональным центром утренника, была сама Татьяна Леонидовна. Роль русалки в маленьком детском спектакле всемерно способствовала этой цели.

В это утро она продемонстрировала публике всё, на что способна. А способна она была на многое. Она умела петь и танцевать, читать стихи и стрелять глазами, быть таинственной, а когда надо простой, а при случае сложной.

Она могла быть наивной. В диапазоне от абсолютной наивности до капельки наивности в глазах, для придания им особого шарма и блеска. Она могла быть дерзкой. Она могла быть кроткой. Она могла быть чучелом. Она могла быть вельможной пани. Она могла быть большой снежной бабой. Она могла быть маленькой леди. Она могла быть Дедом Морозом. Она могла быть любимым оленем Деда Мороза. Таким здоровенным, с вот такими огромными, охренити... ти... ти... тельными рогами. Таким что, глядя на неё, люди думали – так вот ты какой северный олень...

Но, когда ей надоедало быть оленем, она легко превращалась в Снегурочку. И не в такую абы какую, а в ту самую, которой и дети, и взрослые, в ночь с 31 декабря на 1 января,

(в ту самую волшебную ночь года), искренне кричат:

– Снегурочка, приходи!!

И после третьего зова она как бы нехотя приходила. Как бы нехотя, в смысле деланно не торопясь. Ну как будто ей не очень-то и хотелось быть главной героиней волшебной новогодней ночи...

Но вот эти дикие крики необузданного племса...

Вынуждали её стать примадонной всего праздника.

Главного праздника года! Автоматически превращая её в главную героиню года. Уже в три года она понимала – быть главной для кого-то это не так уж и плохо. А быть главной для всех – так это и вовсе хорошо. И даже сам Дед Мороз не мог с ней конкурировать. Через пятнадцать минут после торжественного явления людям Дед Мороз медленно, но неотвратимо, становился жертвой Бахуса и под влиянием винных паров всё больше и больше превращался в полковника советской армии, а потом и вовсе снимал с себя роскошный костюм Деда и превращался в её отца – молодого красивого brutального мужчину. А она ещё долго (до часа ночи) была Снегурочкой, а потом засыпала где-нибудь в кресле и её бережно, как хрустальную вазу (не дай бог проснётся) переносили в детскую кроватку, в её отдельную детскую

комнату. Дверь в комнату плотно закрывалась.

И, с этого момента, бесшабашное, а иногда и безбашенное, новогоднее веселье, вдруг резко из бесшабашного, превращалось в камерное, в чопорную встречу английских лордов, а то и вовсе переносилось на улицу. Все знали, полковник вспыльчив. И сон дочери для него не фигура речи.

Притворщица! – кричали звёзды ей с небес.

Притворщица, – шумел в ответ им зимний лес.

Притворщица, – гундел людьми забытый бес.

Притворщица! – с ним соглашался польский ксендз.

Да, что что, а притворялась она классно. И притворялась она часто. Притворялась, потому что хотела притворяться.

Когда она хотела – она могла. А хотела она всегда. Исключая время сна. (Ведь, по мнению одной маленькой девочки, когда человек спит, у него нет мозга.

А когда человек не спит – мозг у него есть). Так что, те, кто очень долго спит – проснитесь. И у вас появится то, чего у вас нет. А те, кто очень долго не спит – усните. И пусть то, что у вас есть, отдохнет. А то ведь, то, что у вас есть, без отдыха тоже может перегореть. Как лампочка.

Чик – и ваш мозг уже не светит.

С Новым
Годом!

Когда ей надоедало
быть Оленем, она
легко превращалась в
Русалочку, а потом
и в Снегурочку.

А потом она еще долго, до часа ночи, была Снегурочкой. Потом она засыпала где-нибудь в кресле, и ее бережно, как хрустальную вазу (не дай Бог проснется) переносили в детскую кроватку в ее отдельную детскую комнату.

Манипулирование родителями и окружающими давалось Снегурочке довольно легко. Причём представители мужского рода практически не ощущали подвоха. Пришло время для более крупных форм. И объединённый коллектив детей, родителей и работников детского сада «Радуга», (а это, на всякий случай, в сумме человек под сто), стремительно и дерзко подвергся давлению океана обаяния, артистизма и красоты нашей дебютантки.

Уже в три года она умела включать и выключать дурочку ровно в тот момент, когда это работало. И это работало.

С качеством и мощностью автомобиля «Rolls Royce». Она могла флиртовать и легко добавляла в образ капельку истерики. Для чего? Нет, ну не надо так тупить. Ясно же для чего. Для настра!! (Настр – сокращённо от настроение).

А настр, это такая штука, скажу я вам, что в него можно добавлять и добавлять. Как в новогоднее блюдо. Как в салат «Оливье». Да что там «Оливье». С ума он свёл всех этот «Оливье». В настр можно добавлять и добавлять, как в салат «Никарагуа». Вот это истинное новогоднее пушистое мягкое махровое веселье, скажу я вам. Коктейль фантазии и сумасбродства. Новогодний салатный ёрш.

А какой красивый на вид, какой разноцветный. Как аппетитно смотрятся выложенные полосками на огромном фарфоровом блюде ингредиенты салата. Руки так и тянутся снять фото или видос и разослать его всем друзьям, родственникам и знакомым. Чтобы они за вас порадовались.

Но это во вторую очередь.

А в первую очередь недоброжелателям, скрытым и открытым врагам. И хроническим пессимистам. Чтобы завидовали и мучились от такой дерзкой красоты. Чтобы знали – мы тут процветаем, а вы, твари пархатые, загнийтесь от зависти. Захлебнитесь в своей ядовитой слюне.

А во втором акте Мерлезонского балета, когда все эти полоски полагается смешать двумя ложками в одну аппетитную большую кучу кайфа, выслать и этот видос, как контрольный выстрел. Прервать, так сказать, из-за своей при-

родной гуманности эту предсмертную агонию зла.

– Всё, упокойся с миром.

Как вежливо сказали в своё время три мушкетёра и д'Артаньян Миледи. Вежливость – главное оружие королевского мушкетёра.

А после того, как они ей это сказали, и кое-что с ней сделали, вот тут-то Полина Гагарина сразу и запела своим чудным, вдребезги разбивающим панцири морских черепах и защитные панцири человеческих душ голосом:

«Спектакль окончен, гаснет свет, И многоточий больше нет...»

Ингредиентов полно. Каждый выбирает сам в меру своей активности или индифферентности. Про настр можно даже написать роман. В триста тысяч знаков. А вот и названия: «Я и мой настр», «Мой настр и я», «Есть ли жизнь без настра?», «Есть ли настр без «Оливье» и «Никарагуа?», «Что главнее для Солнечной системы Марс или настр?» «Он выбрал настр, плевать хотел он на кадастр!» (Ну, вот опять придется рыться в словаре, выясняя значение слова кадастр и рецепт салата «Никарагуа»). Подытоживая, скажу проще.

Будет настр – будут и деньги

А будут деньги – ого-го! Даже страшно подумать, что я с ними сделаю!!

Глава 4

Вечером, 7 марта 1971г., недалеко от Дома Пионеров, места, где в горниле кружка «Радиодело» ковали свою квалификацию будущие знаменитые шарманщики города «Рудная Гора», на той же улице, в здание, летом утопающее в зелени и цветах, а сейчас, ранней весной, со всех сторон окруженное пока ещё голым, (без листьев, но уже с малюсенькими почками), садом (урюк, яблоки, груши и даже пара деревьев черешни), а по всему периметру свежевыбеленным известью забором, именно в это здание (не путать с другими зданиями), с простой спартанской табличкой на фасаде «Роддом г. Кентау», практически одновременно, с разрывом в минуты, поступили три роженицы. Блондинка и две брюнетки. Русская, еврейка и гречанка. Все трое были молодыми первородками, в возрасте от 20 до 23 лет, но держались спокойно и уверенно, чего нельзя было сказать об их мужьях, толпившихся на крыльце у входа в роддом и нервно молча куривших.

В те годы мужчины считались существами, несовместимыми с процессом деторождения и дальше дверей роддома не допускались.

Не все потенциальные носители инфекции и грязной обу-

ви были с этим согласны, но граница между счастьем и бездетностью была на замке. Медицина отвергала присутствие будущего отца не только при совершении таинства, но и даже просто в палате, где лежали роженицы, в качестве посетителя. Слово инфекция было на первом месте, все остальные слова здесь считались матерными.

А два простых слова – «партнёрские роды» тогда и вообще отсутствовали в лексиконе и не имели смысла. И если какой-нибудь особо борзый и продвинутый папашка, (побывавший ненароком за бугром), вдруг произнёс бы эти два слова вслух, то они бы воспринимались как тарабарщина на древнекитайском. Или мантра на древнеиндийском. Или и вовсе как миф из книги «Мифы Древней Греции» на древнегреческом.

Впрочем, надо признать, подавляющее большинство будущих папаш и сами особенно не рвались поучаствовать в таинстве, дабы ненароком не проиграть этот неравный бой и не уронить своё реноме. И не надо раздувать ноздри. И сегодня, не каждый муж, будь он обычным среднестатистическим мужчинкой, скажем так простым пехотным Ваней, или особенным, овеванным всемирной славой, скажем бесстрашным Спартаксом, или могучим Гераклом, предводителем аргонатов Ясоном, или острым на язык одесским Рабиновичем, знаменитым мафиозо Мишкой Япончиком, или феноменальным Шерлоком Холмсом, мудрым Сократом или даже самим Владимиром Ясное Солнышко Путиным, будь он

русским или евреем, или, страшно даже выговорить, португальцем, или, допустим, индусом, а может быть и вовсе шотландцем, или любым другим носящим брюки и несущим свой член как знамя причастности к элите человечества, считающим себя венцом природы, сможет держать за руку жену, рожаящую его ребёнка. При этом, быть для жены стеной, а не жалкой лачугой, разрушенной первыми сильными родовыми схватками. Это вам не с тарзанкой прыгнуть вниз головой. Эта штука покруче будет.

– Эй, бруталы! Эй, качки! Эй, десантура, кто, если не вы! Эй, спецназ! Эй, агенты 005, 006, 007 и далее по списку! Эй, Илья, Добрыня, Алёша! Эй, «Стопхам»! Эй, викинги духа и тела!

– Чё молчим? Чё лицо кирпичом делаем? Типа нам всё это по..., в смысле поровну. Типа нам и гражданского брака хватает. Типа роддома мы с роду не боялись. Типа, а чё его бояться? Когда мы его и в глаза не видели... И нюхом не нюхали. А некоторые, особо хитрованистые, думают в глубине души чур, чур меня и век бы его не видать...

– За что бьёмся, пацаны? За славу? За зелёные рубли? Так это же самые предательские вещи в мире. Это как облака в ветреную погоду. Глазом не успеете моргнуть ни того, ни этого с вами не будет. Чем тыл свой защищать будете? Облаками?

И где вы наблюдали богатырей или чемпионов без крепкого надёжного тыла? Они, поди, уже все в земле сырой ле-

жат? С кинжалами судьбы в спине. Не прикрытой надежным тылом.

Роддом это и есть Олимпийские игры для любого настоящего мужика. Это и есть его главное комплексное испытание в жизни. И комплекс тот вмещает в себя всё: и Огонь, и Воду, и Медные трубы. И терпение, и волю, и упорство.

Роддом – это такой Центральный Полигон твоей судьбы.

Здесь сразу видно: тварь ли ты дрожащая или право имеешь...

Но роддом не только испытывает. Он и награждает наградами высокими, бесценными.

Вручает тебе в руки не дурилку картонную, а реальное живое – счастье, завёрнутое в розовый или голубой «конвертик». Тихо посапывающее маленькими носопырками.

И когда врач в белом халате даёт тебе в руки такой конвертик и ты держишь его горизонтально земле, так как пока не понимаешь где голова, где ножки и вдруг чувствуешь что в этот момент рождаешься сам, по новой, со страшной силой и сладкой болью, то тебе в момент апогея собственных «родов» вдруг хочется громко крикнуть на всю Вселенную:

– Господи, спасибо за то, что ты есть!!

И эхо разнесёт по всему небу – есть, есть, есть!!

И тот, в кого ты сейчас искренне веришь и горячо его бла-

годаришь, дарит тебе в этот миг энергию чистую, безбрежную. Некоторые бруталы, так те вообще планетами жонглирую с этой энергией. Вот так руками берут планеты, метеориты, кометы, астероиды и жонглируют. А по большим праздникам и звёздам достаётся по полной. И не только Солнцу, но и созвездию Тау Кита. А Большой Млечный путь, так тот постоянно в деле.

И слышат в ответ живой родной детский смех. Как колокольчик чистый и звонкий. И за такой колокольчик отдашь всё и славу, и зелёные рубли. И кометы, и астероиды. Всё отдашь. Оптом. И Огонь, и Воду, и Медные трубы. И все планеты, и звёзды придачу. И не только те, которые в созвездии Тау Кита. Но и те, которые на погонах и на груди. А придется если, то и жизнь свою на кон поставишь за это...

Поставишь, поставишь... Я точно знаю. И ничего в этот миг в тебе не дрогнет. Ни рука, ни сердце, ни душа. Ни палец на спусковом крючке..., да ты даже глазом не моргнёшь. И взгляд твой в этот момент станет пристальным, тяжёлым... Таким тяжёлым, что даже бешеные Псы Судьбы не смогут его выдержать. И, поскуливая, отползут в сторонку... От греха. Подальше...

Если ты, конечно, Мужчина, а не чмо болотное... Безобразное...

Может, не верите мне? Мне не верите?!

Так вы проверьте...

Двое из мужчин, толпившихся на крыльце роддома, были довольно высокого роста, где-то за метр девяносто, и совсем нехрупкого телосложения. От них так и веяло физической мощью и брутальностью молодых носорогов. Их рога так и чесались от желания кого-нибудь боднуть. Или даже пронзить. И случись им оказаться в донорском центре, помимо крови богатой эритроцитами, они легко могли бы сдать по вагону куража, бочонку тестостерона, ведру адреналина и по литру спермы, без видимого вреда для своего здоровья. С видимой пользой для здоровья нации.

Чем-то они даже были похожи друг на друга, хотя один был ярким блондином, второй жгучим брюнетом. Правильные и твёрдые черты лица, большие волосатые руки. Наверняка именно с такими лицами, габаритами и тестостероном герои Джека Лондона штурмовали Аляску и такими вот руками собрано всё золото знаменитой лихорадки на реке Юкон.

Было им на вид лет по двадцать пять и казалось, что они родились братьями-близнецами, но в какой-то момент, заигравшись в детстве в прятки, один из них упал в озеро с перекисью водорода. Второй, похоже, упал в озеро с гуталином. Они сами этого не помнят, но, наверняка, оба куда-то падали. Зуб даю, а он у меня не лишней.

Впрочем, какая разница, в какое озеро ты упал в детстве. Всех нас неминуемо ожидает озеро надежды, полное краси-

вой серебристой краской.

И серебра в этом озере хватит на всех.

Третий мужчина, азиатской национальности, был невысок, строен и молчалив. Он был полон той восточной сдержанностью, которая вырабатывается веками, состоит из уважения к старшим, внутреннего достоинства, отсутствия суетливости и присутствия уверенности в себе. Молчание такого мужчины, вовсе не означает, что последнее слово не останется за ним. Просто, таким как он, безразличны вступительные словесные и иные прелюдии, они спокойно пропускают бессмысленные колебания воздуха и в финале, если ситуация того требует, уверенно ставят внушительную заключительную точку. Иногда словом, а иногда и делом. В смысле рукой или ногой. А иногда одновременно и рукой, и ногой. Был он довольно фотогеничным и про него уж никак нельзя было сказать, что у него лицо как руки, руки как ноги, а ноги как брусья.

Была в нем даже какая-то своеобразная утонченность. Но, несмотря на это, опытный мужской взгляд однозначно отнес бы его к тем, кто иногда ставят жирную точку в определённой ситуации. Руками. Или ногами.

Или не ставят точку, когда ситуация им безразлична. Он же не писатель, чтобы в каждом финале ставить точки. Финалов много, а он такой один.

Вот он то, как раз, и нервничал больше всех. Хотя внешне это не читалось никак. Лицо его было спокойным, даже беспристрастным. И лишь изредка непроизвольно появляющиеся комки желваков на скулах выдавали его состояние высокой эмоциональной напряжённости.

Внешне, он чем-то сильно смахивал на молодого Джеки Чана. Хотя кто тогда в Советском Союзе знал Джеки?

Глава 5

Здание Роддома состояло из приёмного покоя, четырёх пятиместных палат, операционной, помещения реанимации, сестринской, кабинета главврача, туалета и это был второй этаж. Первый этаж был копией второго, только вместо кабинета главврача был пищеблок. А вместо сестринской – ординаторская (офис для врачей). Впрочем, тогда в обиходе не было такого слова – офис. Поэтому назовём его кабинетом. Или комнатой.

Это был не простой Роддом. Это был особенный Роддом Лучший. В мире. Да что там в мире. В солнечной системе. Автор родился в этом Роддоме. В своё время.

Городу «Рудная Гора» тогда исполнилось два года. И в канун этого крупного Юбилея, Природа-Мать, на радость городу, всем женщинам мира, и себе самой выдала на-гора горластого младенца. 8 Марта. Не раньше и не позже.

Да, это был замечательный, очень непростой Роддом. Да, это был отличный, очень красивый и позитивный Город. Да, это был очень круглый, очень мощный Юбилей. Напомню – **Два года!!** Да, это была великолепная очень многоликая Природа-Мать. И не мудрено. На дворе стояло лучшее из Времён.

Роддом был практически пустым, если не считать двух только что родивших и двух беременных женщин на сохра-

нении, лежавших парами в разных палатах. Отдельных од-
номестных или двухместных палат не было по определению,
в связи с тем, что часто не хватало и пятиместных. Пару
тройку раз в году, в дни наибольшего наплыва рожениц,
некоторым приходилось перед родами и в коридорах кроват
и ставить. Ну не было в то время другого роддома в Кен-
тау! И секса тогда в Кентау не было! А беременные женщи-
ны в Кентау были. И ситуация была. Такая, что не скажешь
врачу свысока:

– А, народу много? Ну, приду, через недельку...

Какая неделька, у некоторых мамаш малые аж выпрыги-
вали из них на белый свет. Резко отталкиваясь правой толч-
ковой ногой. Так боялись темноты...

*А вы спрашиваете, откуда в цирке берутся акробаты.
Или воздушные гимнасты. Или в небе лётчики испытатели.
А то и вовсе писатели с их романами. Другими словами, лю-
ди очень опасных профессий. Которые, кувыркаются так,
как нормальный человек и в мыслях своих не может. Слов-
но бы на них не действует земное притяжение. Откуда, от-
куда. Оттуда, блин...*

Чего только не повидали эти коридоры. И слёз, и молитв,
и стонов, и проклятий. Каких только желаний не были они
свидетелями. Каких только надежд и фиаско не запомнили
они. О если бы эти коридоры могли говорить. Каких сюжетов

комедий, трагедий, трагикомедий и фарсов лишилось человечество из-за этого молчания. Да... Это был чисто женский мир. Это была женская земля Санникова. Мужчинам она была неведома...

Если бы господь был ко мне милостив, и явил миру чудеса, то я стал бы женичиной (первое чудо), забеременел бы (второе чудо), лежал бы в коридоре на кровати среди других беременных женицин (третье чудо), и собрал бы столько энергии, эмоций, историй, сюжетов, небылиц, былей, мифов и приключений, на свою пятую точку, что возможно из обычного мужчины, из простого пехотного Вани, из трудно быть на свете пастушонком Петей, управлять скотиной тонкой хворостиной, стал бы писателем (четвёртое чудо). И пройдя через боль и страх, через неуверенность и комплексы, прорвавшись через безденежье, проявив смелость, мужество, настойчивость и волю к жизни, я родил бы своего ребёнка. (Главное чудо жизни). И вместе с ним родился бы к жизни сам. И мне было бы чем гордиться.

– Да, боже. Прошу. Именно это. Да, в такой последовательности. Да, возможно, у меня не все дома. А что тут поделаешь, что есть, то есть, а чего нет, то, где же его взять... Много прошу у тебя боже? Ну, так, сколько дашь, за столько и спросишь...

Кто сказал, что мужчины, это сильная половина человечества? Они сильны, но бог пожалел их – у них не было в жизни таких коридоров. И не факт, что такой вот коридорчик не поломал бы через колено кое-кого из представителей сильного пола как тонкую тростинку. Хрусть и ты уже не сильный пол, а так, что-то промеж чего-то. Что-то среднеарифметическое... Откуда появлялись такие коридоры?

Да, экономика в стране была плановая, но энтузиазм трудящихся иногда невозможно было спланировать заранее. И если над входом в роддом висела очень скромная и невзрачная (как бы заранее извиняющаяся) табличка с маленькими буквами «Роддом г. Кентау», то на глухом торце роддома висел циклопических размеров лозунг во весь торец двухэтажного здания, с броским призывом – **«Пятилетку – в три года!»** Этот призыв был виден, наверное, даже из космоса. И этот плакат не просто висел здесь для галочки. Он активно и эффективно выполнялся! Везде и во всём. Включая и демографию.

С одной стороны, это было прекрасно. С другой стороны, такие темпы рождали дефицит. В том числе и на квадратные метры. В том числе и на квадратные метры роддома. Разница между размерами шрифта у таблички и плаката была очень ощутима.

Страна, как подросток-акселерат, росла настолько быстро, что рост мышц не успевал за ростом костей, или наоборот, рост костей не успевал за ростом мышц и «пацан» ис-

пытывал иногда слабые, а иногда довольно сильные и неприятные боли.

Случалось и такое, что иногда рост мозга отставал от роста мышц и костей, а у вундеркиндов, случалось, что и опережал рост мышц и костей и «пацана» иногда просто «ломало», как алкоголика, как наркомана и физически и психологически. Но он не был ни наркоманом, ни алкоголиком. Ни психом, ни лунатиком. Это были проблемы роста. И родители знали, ещё немного и боли пройдут, всё стабилизируется и придёт в норму.

*Роддом – это такой Центральный Полигон
твоей судьбы. Здесь сразу видно: «Тварь ли
ты дрожащая или право имеешь...»*

И восторжествует гармония. Гармония тела, гармония духа, и гармония мозга.

И лишь злобная западная пресса раздувала значение этих болей и проблем до небес. И бесновалась по этому поводу как те персы не по-детски. Вождедея, что СССР или спрыгнет с корабля в воду, как те греки к сиренам и утонет, или умрёт от боли из-за неравномерного роста и дефицита. А англосаксы потом, как стая шакалов, или стая гиен, или как

стая пернатых падальщиков грифов, налетят, раздербанят, разорвут, разгрызут на куски и сожрут тело вместе с костями и сухожилиями. А потом будут сытно отрыгивать и довольно скалить свои отвратительные морды и клювы.

И высматривать себе новую добычу. Новую страну на растерзание, для своих ненасытных желудков...

Вот только хрен вам да маленько! Зубы коротки. А отрастут клыки – так мы их вырвем!! А морды ваших лиц и зубастые челюсти позорных койотов – замесим кулаками наших ракет в коровью лепёшку. Суньтесь только в наш огород... Это говорю вам я, «Рудная Гора»! Массой своей, мощью любого задавлю, щенки воющие...

Пи... сы,мать,перемать В бога.... ...в душув коленную чашечку. (непереводимая, многоэтажная, фантастически сочная и богатая игра слов на местном диалекте).

Прощенья просим! За проблемы с местным диалектом. Но из песни слов не выбросишь. Автор пробовал и не раз. Они слова то эти обратно в песню вприпрыжку сами прибегают. Как подорванные.

Впрочем, в те времена, во времена строительства социализма, люди к любому дефициту относились терпимо, как к временному неудобству. А закон подлости и тогда рабо-

тал по железному правилу – всё временное часто длилось дольше постоянного. Поэтому жизнь в те годы строилась по негласному принципу – не жили богато, нечего и начинать.

Я бы искренне хотел, чтобы наступил такой момент в нашей истории (и он таки наступит, да он уже наступает), когда в основу русской национальной идеи, которую якобы никак не могут найти, лег бы другой принцип

– не жили бедно, нечего и начинать.

От отсутствия такой простой и вполне себе реальной национальной идеи и возникало тогда, и возникает сейчас много всяких нелепостей, странностей и мелких неудобств. (Иногда конечно и крупных).

Но оптимизм молодости преодолевал всё это играючи. Да и тенденция была очевидна каждому – люди жили всё лучше и лучше. Срабатывал эффект низкой базы.

Медицина не была заточена под понты богатых. Да и богатых-то пока не было.

А когда нет богатых, никто не чувствует себя бедным.

Глава 6

Снегурочка в костюме русалки, могла даже то, на что не всякая настоящая русалка способна. С помощью незаметной деревянной рейки, находящейся внутри костюма, она могла шевелить своим хвостом. Но не просто так, а в такт с музыкой. Да ещё в трёх плоскостях – в горизонтальной, вертикальной, а в особых случаях и по диагонали. Не все русалки имели такой музыкальный слух, чувство ритма и диапазон движений. И это вызывало восторг не только у детей и родителей, но и у неё самой.

Тело русалки горело и переливалось под лучами софитов всеми цветами радуги. Похоже, у настоящих русалок всё было гораздо скромней. Но Татьяне Леонидовне не надо было скромней. Вот что ей надо было в последнюю очередь, так это унылое слово «скромней».

Вышел на сцену, оставь свою скромность за кулисами. А ещё лучше засунь её в одно место так глубоко, насколько руки дотягиваются. Дай зрителю мастерство. Дай шику. Дай блеску. Оторви его от земного притяжения. Хоть на время сбрось с него мешки житейских проблем. Отправь его в невесомость. Твой зритель обязан кайфовать! И не от себя, а от тебя!!

Неважно от чего текут слёзы из глаз твоего зрителя. От комического или от трагического. Главное, что это твой талант

создал эту атмосферу. Главное, что это ты – источник этих слёз. Этих волшебных слёз. Тех самых слёз, о которых и писал гений – «над вымыслом слезами обольюсь...»

Получи от зала энергию, увеличь её силой своего таланта в десять раз и верни её залу легко, весело, искромётно. На сцене не будь скрягой ни в чём. Войди в жизнь зрителя сверкающей полосой рассвета. Весомо встряхни его, разбуди, если даже он эмоциональный соня. Заставь его думать о тебе. Заставь искать встречи с тобой ещё и ещё. Стань для него источником неиссякаемой энергии.

Стань для него путеводной звездой. В натуре.

А скромность твоя пусть живёт там, в тёмном чуланчике твоей личной жизни.

Внутренний мир артистки отвечал на этот внешний блеск не меньшим по силе внутренним сиянием.

Впервые в жизни она овладела вниманием зрительного зала и почувствовала магию своей власти над зрителем. Краем глаза она видела, как её снимает на новенькую немецкую видеокамеру мама. Камера была куплена три дня назад отцом специально для этого утренника. Это был первый утренник в её жизни. Это была первая видеокамера в их семье. Это была первая видео съёмка в её трёхлетней карьере. Для 1971 года это было не хило. Можно сказать – это было круто. Сегодня утром у неё был Большой Дебют.

Ей дали роль не кикиморы болотной, не бабы яги, не лягушки, не снежинки (одной из многих) и даже не Золушки, которой все пытаются помыкать, а она как дура подчиняется мачехе, а родной отец как тряпка ничего не может сделать (кому нужны такие отцы), а красавицы русалки. Роль существа эксклюзивного, необычного, с элементами магии и мистики.

Роль существа, подчас сводящего мужчин с ума. Разбивающего их жизнь вдребезги на мелкие, очень мелкие кусочки. А есть ли такая девочка или девушка, которой не хочется разбить вдребезги на мелкие, очень мелкие кусочки жизнь пары-тройки своих сверстников? А есть ли такая женщина, которая не мечтает свести хотя бы парочку мужиков с ума? Я таких не встречал.

Она прекрасно помнила те знаменитые истории про греков, которые ходили на кораблях по морям и сталкивались там с морскими русалками-сиренами. Сирены начинали петь, и греки бросались к ним в водную пучину и шли на дно. Это говорит нам о том, что уже тогда, в те времена древнегреческие греки были тонко организованными и сложно сочинёнными натурами. Чутко реагирующими на высокое искусство и женскую красоту. Трудно, конечно определить, что лишало греков ума и самообладания – пение русалок или их молодость и красота. Но факт остается фактом. Никто в мировой истории так радикально не реагировал на хоровое пение в открытом море.

Хорошо, что в случае с аргонавтами на знаменитом корабле «Арго» оказался Орфей – суперзвезда вокала древнегреческого мира. Он быстро сориентировался (вот она греческая смекалка) и запел сам и заглушил своим дивным голосом голоса сирен и тем спас аргонавтов от гибели. Если оттолкнуться от мифов древней Греции, а в каждом мифе есть лишь доля мифа, некоторые корабли оставались вообще без команды, ну то есть вокал и возраст у сирен был такой, что мама не горюй. Уровень вокала и внешность были никак не хуже, чем у девчонок из АББА. Ну, помните, одна беленькая, другая чёрненькая. Шведские девчонки. Богом клянусь, если бы я плыл с греками на «Арго», а эти шведки вдруг как подводные лодки всплыли и запели как сирены, я бы первый выбросился за борт. И плевать на то, что я по-шведски, ни бум-бум. Нашли бы общий язык, ох, нашли бы. И гори оно всё – синим пламенем...

А теперь, после таких откровений, задумайтесь – какой же голос был у Орфея... Заглушить своим голосом хор сирен... Уж не пиар ли это от покровителей Орфея с самого Олимпа... Попробуйте заглушить голоса хотя бы трёх женщин. Обычных. Без хвостов. Что? Не получается? Я так и знал. А тут хор. Может десять сирен, а может и двадцать. Кто же их считал. Их и не посчитаешь. То вынырнут, то занырнут... То поют, то плачут, то воют... То она жена, то она вдова, то она актриса малых и больших академических театров...

То она сирена, то она путана, то она вдруг лесбияна...

То она играет Жанну д'Арк. И не на театральной сцене. А на сцене семейной жизни. Вашей совместной семейной сцене. И если она Жанна д'Арк (внебрачная дочь французского короля, между прочим) то, кто тогда вы?

Ну, вопрос, конечно, интересный...

Может быть вы её паж? И тогда я вам не завидую... А может быть вы её внутренний голос? Один из многих... Которые что-то постоянно бормочут у ней в голове долгими зимними вечерами... И ладно бы один только ваш голос постоянно бормотал в её черепушке. Это ещё куда ни шло. Так нет, их там хренова туча. Вас иногда даже и не слышно. Не череп – базар вокзал какой-то. В натуре.

Ну, тогда я вам вообще не завидую...

От таких сирен, мужские мозги часто идут кругом. А иногда так просто плаваются и вытекают из башки во все имеющиеся там отверстия...

А потом, когда все мужские мозги вытекут, то тут как тут, сразу же случается трагедия. Все воротят нос от такого мужика. Да и то сказать – кому же нужен мужик без мозгов. Правильно – только себе самому. Да и то не всегда. Я и говорю – трагедия. Я бы сказал морская трагедия.

А море – та же казахская степь. Такие же просторы. Здесь чтобы тебя услышали так орать надо. Практически громоподобно.

Тогда ведь ещё сотовых телефонов не было.

Я это к тому, что голоса у сирен были сильными. Натрени-

рованными. Профессиональными. На море, как и в степи – со слабым голосом с голода подохнешь. Поэтому все слабоголосые подошли с голода. Остались одни горластые. Дерзкие. Энергичные.

Сирены – это цыганки моря. Работают всем табором. Берут нахрапом. Берут горлом.

А у табора как у буржуазии. Есть своё скромное обаяние... Вот и заглуши своим голосом всю эту шайку-лейку. Связки не сорвёшь?

Впрочем... Есть варианты... В голове перебираю фамилии... Может быть Пласидо Доминго. Или Хосе Каррерас. Или Лучано Паваротти. Может быть. Даже очень может быть. Но они не греки. Два испанца и итальянец. Достойные мужики. Но у них свои мифы. Соответственно испанские и итальянские. А вот Демис Руссос – в самую точку. Я легко представляю его рядом с Ясоном. В рваной тельняшке, в шортах... В бороде... Обнявшись с Ясоном они что-то поют. А почему бы им и не спеть! Они плывут домой. Золотое руно уже у них на корабле!! Сделал дело – пой смело.

Красота... И эта его песня, «Forever and Ever», этот его хитяра всех времён и народов – «ла-ла-ла —ла-ла-ла – ла-ла-ла – ла-лала – ли ла-лай». И понимаю – можно, можно таким голосом заглушить не только хор сирен, но и попутно весь мир поставить на уши.

И вот сирены, уже разогретые и ослабленные этим суперхитом, этим божественным голосом, этой, не побоюсь это-

го слова, «Forever and Ever», вдруг слышат следующий хит, на чистом русском языке – «Орфей полюбил Эвридику – какая старая история...» И каждая сирена тут же чувствует себя Эвридикой и непреодолимая сила любви к Орфею (Демису) лишает их сил и тянет на дно. Нелегка ноша любви, упавшая вдруг на хрупкие женские плечи. И, даже те сирены, которым неведомо было слово любовь, которые не любили никого в этом мире и даже себя (есть такие женщины), возлюбили Орфея (Демиса) не как мужчину, а как певца, чисто профессионально. Ведь сирены были настоящими профессиональными певицами. А чтобы иметь такой уровень тут без нотной грамоты, без сольфеджио, без музыкальной школы никуда. Да что там музыкальная школа. Многие сирены пошли дальше. Я уверен у каждой третьей, а то и второй диплом консерватории хранится где-то на дне морском. Тут всё по-взрослому. Без дураков.

Заставить молодого красивого здорового мужчину броситься с корабля в морскую пучину и рискнуть своим здоровьем, а то и жизнью...

Да ещё если он богат и окружён нимбом славы и власти... Ну, не знаю...

Тут как бы самим сиренам не пришлось подниматься на корабль по якорной цепи, подтягиваясь на руках. (Ног то нет. Одни хвосты.)

А там уже чужая территория, чужой огород и свои правила. Там уже ты рискуешь здоровьем и жизнью. Там уже у тебя

могут оторвать хвост, вставить две спички и сказать: – ходи отсюда, на своих двоих... И добавить:

– Э, петь не надо, просто ходи по палубе туда, потом сюда, туда, потом сюда... И ещё добавить:

– Слышь, пешеходка, а если шест поставим, сможешь на нём что-нибудь показать? В смысле, зажечь?

Поэтому чтобы такого не случилось, и моряки всей командой дружно выбрасывались за борт, надо было в музыкальном плане предоставить что-то такое значительное, из ряда вон выходящее и не побоюсь этого слова гениальное.

Как Димаш Кудайберген из Казахстана. Парень взял и предъявил на свет божий такой вокал... Взял и загипнотизировал всех «аргонавтов» мира. И за борт вывалился весь Китай. А перед ним весь Казахстан, а потом и Россия.

Туда же за борт полетели США и Европа.

«Девушки бывают разные,
Черные, белые, красные,
Но всем одинаково хочется
На Димаша заморочиться...»

А с девушками и много других «аргонавтов» из разных стран мира. Прямо целиком вываливались с корабля за борт. Всей командой. Включая капитана, боцмана, кока и юнгу. Некоторым кораблям якоря отрывало. Силой голоса. Мощью таланта. Нежностью души.

Наступил момент, и я почувствовал: может, для кого-то

он просто Димаш. Парень из соседнего двора. А для меня он уже Димаш Карузо Кудайберген. Повелитель моей души и моих слёз. Демон моего сердца. Оценить, тем паче влюбиться в чужую гениальность, можно только самому обладая высоким уровнем профессионализма и таланта.

И, когда сирены стряхнули с себя этот любовный гипноз, греков уже и след простыл. Как говорится, клин клином вышибают.

Воистину: «Искусство войны – это искусство обмана...»

Я бы добавил – и любовного гипноза... А куда без него? Без него как без воды. На юге. Летом.

Откуда Демис Руссос знал русский язык? Ну..., похоже, он был не простым, а кентауским греком.

Откуда сирены знали русский язык? Откуда, откуда – от верблюда!

Откуда сирены знали греческий язык? Да оттуда же. В зоопарк сходили, вот и узнали. Где ещё верблюда встретишь. В море их нет. Хотя погоди, погоди... Как это в зоопарк сходили? У них же ног нет... Загадка...

Глава 7

А вот в случае с Одиссеем всё было иначе. В смысле ни Орфея, ни Демиса Руссоса, ни Ясона на корабле с греками не было. На корабле также не было знаменитых испанских и итальянских оперных певцов. Димаш тоже отсутствовал. Он вообще последнее время на разрыв. Все в мире хотят слышать его голос. Да я сам хочу.

Почему хочу?

Всё просто. Я заметил такую вещь... Послушаю пару-тройку его песен... И вдруг чувствую: гипнотизирует... Вдруг чувствую, что я, это вроде уже и не я, а кто-то другой, гораздо лучше, чище, благородней и тоньше... И симпатичней... И умнее... Того себя, что был до Димаша, я и сам иногда недолюбливал за вспыльчивость, за грубость, за тупость, за мат, за табак, за алкоголь, за лень, за лишний вес... и еще кое за что, о чём и говорить то неловко... А этого себя, который уже после Димаша, я начинаю любить, ценить, уважать, и одобрять. Чувствую в этом новом человеке нет того, за что он себя сам недолюбливал, а есть много такого позитива против которого ни один пессимизм не сдюжит.

Вдруг чувствую, сейчас выброшусь за борт. Вслед за греками...

«И для меня воскреснут вновь

И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь...»

Вот такая фантазмагория получается... Прямо до слёз доходит... А ведь я вам не девочка-припевочка. У меня слёзы не просто скупые... Они как бриллианты по десять карат. В земле. На километровой глубине. Замучаешься искать. Я же этот... Гранитный утёс. Глыба. Меня и краном не поднимешь. Все тросы оборвёшь... Ой, да ну короче...

Пацан, из меня прямо верёвки выёт... А я ведь уже аксакал. Я ведь уже пару тройку раз нырял в то знаменитое Озеро. Где серебра хватит на всем. И мне тоже хватило... Это я должен из него верёвки вить. Но, увы. Увы и ах... Откуда он вообще взялся, Карузо этот? И кто ему дал право выворачивать меня наизнанку, как б\ушный мешок из-под картошки...? Кто дал ему право выбивать из меня всю пыль и мусор, как будто он мощная бейсбольная бита, а я старый уставший от жизни шерстяной персидский ковёр? Который вроде бы ещё держит свой узор и форму, и его даже можно продать за пол цены, да только кто-же его купит? Когда вокруг полно новых китайских цветастых синтетических ковров? В натуре.

Но если он делает это со мной, так эффективно, так виртуозно, так неотвратимо и волшебно... Так у него значит и право на это есть... Ведь права не дают... Их берут... Своей мозолистой рукой... Вот он берёт, и... Мир становится луч-

ше...

Итак, на корабле не было очень востребованных, и жизненно необходимых для команды корабля людей.

И что грекам было делать, пойти и застрелиться? Но вот беда ни нагана, ни кольта, ни парабеллума, ни ТТ у них тоже не было. Я уже молчу про современные российские пистолеты «Гюрза» и «Удав». Которые на раз пробивают легкие бронежилеты. Ну, а «Удав», тот, вообще, пробивает всё, что можно пробить. И всё что пробить нельзя. Даже теоретически. Рельсу может и не пробьёт. А может и пробьёт. По рельсам не стрелял, не знаю. Впрочем, вряд ли сирены прикрывали жизненно важные органы рельсами.

В воде. Я вам больше скажу. Вряд ли сирены плавали в бронежилетах. Даже лёгких.

У команды не было ни пистолетов, ни револьверов. Ни даже простого охотничьего двуствольного ружья. Про автомат Калашникова и вспоминать глупо. Ни прямоствольного. Ни нарезного. Ничего. Тогда их ещё ни у кого не было. А вот они и могли бы уравнивать шансы поющих сирен и молчаливых греков. Но, увы.

Однако, у них было другое. И гораздо более эффективное. Да вы уже сами догадались – это была всё та же греческая смекалка.

В лице великого и ужасного Хитрого Грека.

Одиссей быстро смекнул, что без команды он вообще не доплывет до Итаки ни через двадцать, ни через сорок лет.

Встретить смерть на корабле в открытом море, без жены, без сына... Без Телемаха, без Пенелопы... Да, возможно, он был плохим мужем и не очень хорошим отцом. Да его часто не было дома. Да тихая домашняя идиллия была не его коньком. Но зато он выиграл величайшую войну в истории войн. Его имя в ряду бессмертных героев. В Зале Славы человечества. Зато никто не смеет напасть на Итаку просто так без отпора. Зато народ Итаки живёт свободно и ни в чём не нуждается. (Ну, с этим можно поспорить).

И он их всех любит и свою семью и свой народ. Любит как мужчина, без особых сантиментов. Без сюсюканья и этих фальшивых гипертрофированных чувств как в индийском кино. (И с этим не поспоришь.)

Любит как царь. Как царь Итаки. А любовь у царей она такая... Специфическая...

Зато сам Гомер будет рифмовать его славное имя в своих нетленках «Илиада» и «Одиссея».

А иногда и другие авторы, смехотворно пытающиеся переплюнуть мастерство Гомера, тоже будут рифмовать его имя, впрочем, гораздо скромнее. Ну, очень скромно. Ну, так скромно, что дальше некуда. Одиссей – Колизей. Одиссей – Фарисей. Одиссей – Без Лаптей. Одиссей – Без Гвоздей. Ну и так далее. В том же духе. Было бы имя, а рифма найдётся. Поэтому о великих – должны писать великие. Чтобы ненароком не уронить великое имя в грязь. Своей бездарной примитивной рифмой.

И весь мир будет знать, почитать и восхищаться им. Что даже через две с половиной тысячи лет какой-нибудь ботаник будет сидеть за ноутбуком с пяти утра до двух дня и неукротимо, глава за главой будет ваять свой роман, где его имя будет самым упоминаемым из имён...

И роман будет с таким странным названием...

Как это там вспоминай, вспоминай «Войны», так так уже тепло, «Кофе» ещё теплее и «Чая» – совсем горячо!

Название не из хилых. Войны – это его жизнь, это ему близко, это его стихия. Кофе и чая – тут не совсем понятно. Во-первых, непонятно были ли такие напитки во времена Троянской войны. Очень может быть так, что и не было. Вот он, Одиссей, предпочитает пить вино, разбавленное водой. И он бы назвал роман «Войны Вина и Воды», потому что по жизни если разбавить вино водой слабо, то можно так окосеть, что мозги откажутся думать и хитрить. Что не очень хорошо. Перехитрить могут тебя.

А вот если переборщить и разбавить вино слишком сильно, то тогда пить вино становится противно, никакого удовольствия, бурда какая-то, пойло для свиней. И абсолютно не вставляет. Только раздражение одно. Раздражение мозга и желудка. А между тем:

*«Все пьют вино,
И тот, кому запрещено,
И тот, кто запрещает пить вино...»
(Омар Хайям)*

Вот это я понимаю война. А о чём могут воевать между собой Кофе и Чай...? Ну, вопрос конечно интересный...

Впрочем, что толку менять название чужого романа. Возьми, напиши свой и назови его так, как тебе нравится. И из критика сразу станешь объектом критики. И выпьешь эту чашу до дна. И никто водой эту горечь разбавлять не будет. А сколько в той горечи будет градусов и яда – одному Посейдону известно.

И в роддоме далёкого от Древней Греции города с экзотическим именем «Рудная Гора» родится крепкий горластый мальчик и станет его тёзкой, и его родители будут гордиться этим. А сам он пойдет его дорогой. Тернистой дорогой побед и поражений. Приключений и подвигов. Эпических свершений и камер предварительного заключения. И в его жизни будет всё. Как в салате «Никарагуа».

Одиссей вдруг представил себе, как его тело завернут в какую-то матерю. Затем положат на край длинной широкой доски. Выдвинут доску за борт корабля. Помолятся богам. Окропят его тело вином. Медленно поднимут свой край... И он соскользнёт с края доски в море. Навстречу морским гадам и чудовищам. Навстречу одноглазым циклопам. Навстречу Сцилле и Харибде. Навстречу хитроумным нимфам. Навстречу сиренам и беспределу Посейдона. Чтоб ему ни дна ни покрывки. И в руках у него не будет ни меча, ни щита, ни копья, ни лука со стрелами. Ни даже кинжала.

Ни даже тайного стилета в сапоге. На всякий пожарный... Нет, такая перспектива ему не улыбалась. Теоретически он, конечно, понимал, что в море соскользнёт лишь только его тело, а душа уже будет там, в лодке Харона, плывущей по реке Стикс. И он будет вспоминать и переживать заново все эти сложные жизненные перипетии вновь и вновь.

Возможно, он даже услышит там этот музыкальный хит «Вояж, вояж...». Хит он потому и хит, что его слышат все. И в тачках, и на Лодке...

И в Небесной канцелярии, и в царстве Аида.

И даже в романах этого brutального, мощного и одновременно тонкого писателя – Коли Александровича...

Кто знает, сколько времени займёт этот круиз из царства живых в царство мёртвых. В царстве живых никто не обладал такой информацией. А в царстве мёртвых никто не спешил светиться в СМИ царства живых. И это было логично. Информация – это деньги. Мёртвым деньги не нужны. В царстве мёртвых не было денежного обращения. В раю не было денег. Все финансисты сидели в аду. Каждый в своём персональном котле. Особенно много там было выпускников Алма-Атинского Нархоза. Факультет «Финансы и кредит». Специальность «капвложения». А когда ты варишься в котле с кипятком, тебе уже не до дивидендов... Увы...

Всё равно ему было жалко своё тело, даже если в нём уже не было души. Своё сильное мускулистое загорелое тело, которое так часто спасало его здоровье, а, нередко и вовсе,

жизнь и душу.

Эти руки, особенно левую, (он был левша), которые так феноменально и парадоксально для врагов владели мечом, копьём и луком, что мама не горюй. Как он метал левой рукой пращу и ножи. Как правой рукой он щитом разбивал головы врагов...

А как у него летела стрела через все кольца в расставленных подряд двенадцати секирах...

И на Лодке Харона, и в Царстве Аида, и на Олимпе он не забудет лица и глаза у этой толпы женихов, когда он чуть небрежно натянул тугую тетиву своего лука, пустил стрелу и стрела, как молния Зевса, точно пролетела через все двенадцать колец.

Когда он сбросил с себя личину жалкого старца пилигрима и все увидели его истинный величавый облик великого героя Греции, царя Итаки, победителя Трои.

И как великий Страх вдруг плеснул в сердца и души этих корыстолюбивых соискателей чужого, чужой жены и чужого Трона, как будто сама Смерть заглянула в их глаза и они бросились на Одиссея всей сворой, визжа и воя от страха, с острыми клинками в руках, один в один как когда-то бросилась на Колю Александровича толпа ходячих мертвецов из одноимённого американского сериала, очень наивно, подетски, веря в возможность присвоить себе его ужин и выпивку, и тут-же, не отходя от кассы, и толпа женихов и толпа ходячих мертвецов, познали на себе всю глубину и тяжесть

их ярости и праведного гнева...

Они познали на себе всё совершенство их воинского искусства ведения боя в ограниченном пространстве и их гений полководцев и организаторов победы, как в целой войне, так и в отдельном поединке.

И никому не суждено было миновать своей судьбы...

Две с половиной тысячи лет не стали преградой и помехой гению Гомера, который так ярко и с такой страстью поведал нам эту историю, что и сегодня всем ясно: на чужой кусок не открывай свой роток.

Рот порвут, моргала выколют, кусок вырвут обратно. Вместе с желудком.

Ему было жаль своё лицо с красивым греческим носом, чувственным ртом, карими глазами и взглядом гипнотизёра, притягивающим женские взгляды, с длинными, чуть выющимися чёрными волосами и бородой как у Пола Маккартни. Когда тот был с длинными волосами и в бороде. Жаль, что во времена Одиссея не было электрогитар. Возможно, и здесь он не уступил бы самому Полу. И был бы пятым в его группе. (Если бы Джон не возражал, конечно.)

Как воин, он хотел погибнуть в бою. Но боги не хотели этого.

Как царь, он хотел умереть на троне. Но боги не захотели и этого. Как дипломат он хотел жить вечно. Но у богов кончились лицензии на такие мечты. Как остро слов и остроум, как величайший хитрец всех времён и народов он хотел

одного. Оставаться таким как можно дольше. Быть хитрее и острее. Как наконечник копья, меча или стрелы. Не терять этого дара богов ни на море, ни на суше, ни даже на Олимпе, если судьба приведёт его туда.

Он знал, что такое старческая деменция. Он видел её не раз и не два. Не сказать, чтобы он много думал об этом. Но в глубине души он мечтал и о том, что, когда эта беда придёт к нему, его не будет дома. Его не будет в этом мире. И он сможет корчить деменции весёлые комичные рожицы из того лучшего из миров в этот страшный и опасный мир.

И в этом боги не могли отказать ему. Они же не идиоты, отказать величайшему герою в даре, которым сами же его и наградили!

Они не в силах были отказать ни ему, ни Урганту. Эти двое были у них на особом счету.

В общем, умереть на корабле, в середине моря, а потом испытать все прелести морских похорон – это был не вариант. Ни для Одиссея, ни для Урганта.

А уж если до конца быть кристально честным и откровенным как дитя, то и не для Коли. Александровича.

Коля тоже, в гробу видал все эти морские, да и всякие другие – сухопутные, воздушные, подземные и любые иные его собственные похороны. Его собственные похороны и похороны этих двух ярких индивидуумов.

Ну, не желал он этим троим такой участи. И тогда он набрался смелости, а смелости в нём было больше чем во-

ды в Фонтане «Ракета» и гораздо больше, чем воды в Эгейском море и предложил новую аранжировку знаменитому классическому выражению: «Чего хочет женщина, того хочет бог...»

А именно: Чего не желает Писатель, того не желает и Зевс...

С точки зрения литературы или кинематографии это было может быть и романтично. Но Одиссей уже был сыт романтикой по горло. Одна Троянская война чего стоила! Почти десять лет романтики, подвигов и приключений! Он уже устал от всего этого. Он устал и от Ахиллеса с его капризами и закидонами, и от Менелая и Агамемнона с их постоянной жаждой власти и от троянцев с их неприступными стенами. И постоянными ночными вылазками, и нападениями на лагерь греков.

И от этой походной жизни с её тяготами, грубой пищей и отсутствием элементарных удобств. Как известно в то время все удобства были во дворе. В этом же дворе расположилось станом всё многотысячное греческое войско. Откуда здесь было взяться комфорту? Или воздуху, напоенному запахом трав и цветов. Все цветы и травы завяли и превратились в труху, а те, кто не успел завянуть и превратиться в труху, были съедены лошадьми. Под самый корешок.

Потому что лошади на любой войне всегда важнее травы и цветов. А иногда, я подчёркиваю не всегда, а иногда, важнее даже золота.

Глава 8

Перед женским днём 8 марта, из роддома выписались практически все, кто мог и даже те, кто не мог и кому, по-хорошему, не помешало бы полежать ещё денёк, другой, а то и третий.

Никто не хотел свой единственный женский праздник в году встречать в казенном месте.

Новых рожениц разместили по свободным палатам, но, полежав в одиночку пару часов, им стало скучно, и они договорились со старшей медсестрой лечь в одну. Вместе стало намного веселей. В минуту опасности мужчины становятся молчаливее и злее, они стремятся к уединению, они готовы к агрессии, а женщины, наоборот, разговорчивее и мягче, они стремятся к объединению, они готовы творить добро. Одиночество в таких ситуациях женщинам строго противопоказано.

Благополучно сдав своих жён в приёмный покой, мужчины испытали минутное облегчение, но затем их сердцами овладело странное сильное чувство – словно бы они сами, добровольно и без всякой борьбы отдали всё лучшее, что было в их жизни в чужие руки. И никто не подтвердил им время и сам факт возврата.

В душе возник ощутимый вакуум, который нельзя было восполнить ничем. Даже предчувствием грядущего чуда.

Растерянно потоптавшись на крыльце роддома, муж еврейки, кудрявый брюнет (вылитый Ахиллес, герой Троянской войны в двадцать пять лет, вы-ли-тый) отошел и сел на скамейку в беседке, метрах в тридцати от крыльца.

Хотя нет, стоп, стоп. Никто ведь толком не знает, как выглядел Ахиллес. Фото и видео тогда ещё не придумали. Америкосы вообще считают, что он выглядел как Брэд Питт. Такой блондинистый молодой парень без возраста. Поэтому всё должно быть по чесноку. Раз мы не знаем, как выглядел Бред Питт, фу ты дьявол, раз мы не знаем, как выглядел Ахиллес в свои двадцать пять, то сравнение его с Бредом Питтом будет чем? Догадайтесь с трёх раз. Правильно – волонтаризмом.

– Эй! Эй!! В моём романе, попрошу не выражаться...

А кто, кто выражается? Это слово, популярное во времена социализма, вовсе и не матерное. Его значение сейчас почти никто и не помнит.

А вот плохие слова все помнят!

Значит что? Значит оно не плохое, а просто хорошо забытое слово.

А вот эй, эй – зовут лошадей. Это не очень толерантно. А значит почти матерно. Ты врубаешься, о чём я?

Чтобы не было всех этих недоразумений, начнём эту фразу с самого начала.

Растерянно потоптавшись на крыльце роддома, муж еврейки, кудрявый брюнет (вылитый Ваня Ургант в свои двадцать пять лет, вы-ли-тый, практически Ахиллес наших дней) отошел и сел на скамейку в беседке, метрах в тридцати от крыльца.

Его сильно раздражал этот рай. Всё в один миг покрылось тёмной пеленой, и этот роддом и беседка и эти два товарища по счастью. Он заранее, за месяц до часа «икс», купил жене всё новое— пару халатов, две пары тапочек, пару сорочек, «недельку» трусов, «недельку» лифчиков, двенадцати-бомбочную упаковку трёхслойной туалетной бумаги (мало ли), что-то там ещё (по списку жены). Её список он добавил своим поправочным коэффициентом 2 (умножил всё на два) и был очень доволен и горд собой. Большие мужчины любят иметь всё с большим запасом. По простому принципу – а вдруг. Пусть лучше останется, чем не хватит. Запас их успокаивает. Он искренне думал, что готов к родам. Он был далёк от этих глупостей – кто родится, мальчик или девочка, да как их назвать. Он знал точно, кто родится – тот и пригодится. Будет ребёнок – имя найдётся.

Кстати, если у кого-то вдруг ненароком возник вопрос, где это он в 1971 году прикупил всё это в Кентау, а особенно трёхслойную туалетную бумагу, так я вам отвечу. А медовый магазин забыли? Куда пасечники сдавали государству свой

мёд, и получали не деньги, а талоны и на эти талоны отоваривались там импортными товарами народного потребления в широком ассортименте? Так я вам напомню.

Вы интересовались, что такое бартер (не путать с аборт) и где он родился в Союзе? Отвечаю. Бартер в Союзе родился в медовом магазине города «Рудная Гора». Тогда, когда значение этого слова у нас никто и не знал.

Задолго до этих двух иллюзионистов Горбачёва и Ельцина.

Аборт к бартеру никакого отношения не имеет. Аборт – это такое подлое слово хуже мата. Это не только подлое, но и очень вредное для женского здоровья слово.

А бартер, это такое полезное для здоровья и настроения доброе слово, которое помогает жить людям в условиях недоразвитого социализма.

Ситуация, когда какой-то очень хитрый иллюзионист производил экономический аборт и изымал с помощью трюка у народа деньги, периодически повторяется в истории любого государства и народа.

Когда нет денег, а очень хочется, то можно из этой формулы деньги товар деньги штрих изъять деньги. И менять товар на товар. И иметь свой штрих в виде нового качества товара.

Пример. У вас пять мешков соли. И это хорошо. Вы состоятельный человек. Но. Зачем вам столько соли? Шашлык и пиво солью не заменишь. Кофе и чай с солью не попьёшь.

Я пробовал. Меня затошнило. Но. Выход есть. Меняете

три мешка соли на мешок сахара. И... вуаля! Вы снова дружите с кофе и чаем.

Меняете мешок соли на две кружки пива и пять палочек шашлыка. И... вуаля! Вы лучший друг аттракциона «Пивной Ларёк». Вы чувствуете, что ваша жизнь налаживается. В вашей жизни появляется дружба, пиво, шашлык, кофе и чай.

А это уже немало. И пусть между кофе и чаем периодически вспыхивают войны, так что с того? Это придаёт вашей жизни такую острую перчинку. То есть перец вам уже тоже не нужен. И это новый плюс.

При этом ваша соль никуда не делась. У вас ещё целый мешок соли. Быть может, вашей жизни не хватит, чтобы её всю съесть. У вас появляется стимул. Вы говорите себе – пока не съем всю эту соль не сдохну принципиально, буду жить назло кондуктору. Не дождётесь!

Плюс к этому мысленному позитиву вы сыты (шашлык), слегка подшофе (пиво), вы подсластили горечь жизни (сахар) и у вас всегда под рукой эти два позитивных тонизирующих вас напитка – (кофе и чай).

При этом вы ещё держите в голове мысль, что если у вас появится какая-то экзотическая потребность и вы не сможете себе в ней отказать, то у вас в запасе ещё целый мешок соли.

И это универсальное замечательное слово **БАРТЕР**.

И вы точно знаете, что если вы поменяете на что-то свой

последний мешок соли, то совсем без соли вы не останетесь никогда. К тому времени соли накопятся в ваших костях и суставах. Как седина в ваших волосах. И седины в волосах и соли в костях и суставах будет немало. Думаю, мешков пять. Не меньше. И вы по любому останетесь состоятельным человеком. Как это мило, не правда ли?

Ну да, это правда, Большой Брюнет не был пасечником. Пчёл он не держал. Мёд он не сдавал. Так и что с того? Зато жену свою любил как подорванный. Любил так, как пчелы любили свой улей, свой мёд и свою пчеломатку. Искренне и глобально. А это в итоге перевешивало всё. Даже отсутствие мёда для сдачи в медовый магазин.

Большой Брюнет был греком. А значит, договорится в этом почти греческом городе, в этом филиале Афин в СССР, хоть о чём, хоть с кем (да хоть с чёртом лысым) ему не составляло особого труда.

Он всех знал, его все знали. Дал сверху пару червонцев, и ты весь в импортном шоколаде. Ну не ты, а твоя жена. А значит и ты. Ты всегда в том, в чём твоя жена. Если она как огурчик только что с грядки, то и ты. Если она как альбатрос без крыльев, в смысле пингвин, ну значит и ты такой же. Да даже хуже. У тебя значит не только крыльев нет, но и когтей и башка оторвана вместе с шеей. Тушка одна осталась. И через минуту эту тушку в духовку, как и полагается. А те, у кого другой подход к жизни, так те и сами в анти-шоколаде всю жизнь, и жёны их в том же самом. По самые эти самые.

Помидоры.

Кто не знает, что такое анти-шоколад – напрягите фантазию. Это такое дурно пахнущее вещество любого цвета на букву д... В конце буква о... Его ещё часто на заборах пишут: Жизнь –

Да, да – ларчик просто открывался.

Впрочем «Жизнь – дерьмо!» была скорее для тех, кто, собственно, и писал это откровение на заборах. А для тех, кто не писал, не читал и в упор не видел этих надписей к которым относились и многочисленные комбинации из трёх букв, для тех, скорее всего подходила другая короткая надпись

– *«Жизнь удалась!»*

И «Счастье есть – его не может не быть!»

Люди, относившие себя к этим двум высказываниям, не писали их на заборах. Зачем? Эти слова горели в их сердцах. И если забор можно было легко закрасить, затереть, соскоблить, изменить, наконец вырвать с корнем и заменить новым забором, то слова, горящие в сердцах и душах нельзя было уничтожить ничем. Душа не забор – не вырвешь и не заменишь. И топором не вырубешь. Руки короткие.

Воистину: «рукописи не горят». Когда они запали в душу.

Интуитивно Аполлон уже давно понял, что любовь с одной стороны штука простая, но с другой очень хитрая. Хит-

рость в том, что когда твоей любви хорошо, то тебе ещё лучше. Причём настолько лучше, что ты, иногда, просто летаешь в облаках. И этот глупый вопрос – почему я не сокол, почему не летаю, теряет всякий смысл. (Летаю, да так, что вам и не снилось. И Днепр перелетаю. А уж на Луну сколько раз мотался, так уже и не сосчитать).

Американцев, кстати, там не встречал.

И наоборот. Когда твоей любви плохо – тебе становится настолько хреново, уж такая депрессия возникает в организме, что порой кажется, что ты в адовом котле варишься, а черти, едрит их в ангидрит, всё подкидывают и подкидывают уголёк в пламя под кипящий котёл. А уголёк он горит ещё лучше, чем дрова. Это вам любой чертёнок скажет. Я уже молчу за главных, матёрых чертей.

И вот, в тот момент, когда ничто не предвещало беды, а всё предвещало великую радость и величайший триумф его жизни, (энергии которых хватило бы ему на триста лет вперёд), его из состояния полёта, (а он был где-то уже на подлёте к Марсу), резко и грубо сбросили с высоты, и не куда-нибудь, а прямо в закипающий адский котёл. Как миллиардный шар в лузу загнали. Мощно и точно. Профессионально. Тюк – и ты уже ниже плинтуса. Ты уже болтаешься в авоське под лузой. Ты уже отработанный материал. Кто-то там наверху, тот, кто с кием наперевес, кто возвышается над

большим бильярдным столом обтянутым зелёным сукном, конечно, радуется успеху. Но тюкают-то тебя. Кием. Точно в центр. (В лоб). И самое страшное – когда тебя тюкнули кием точно в лоб и ты оказался в авоське под лузой, ты наверняка не знаешь, не останешься ли ты там навечно, вернут ли тебя снова в Игру?

Не был ли ты тем последним победным шаром? Не закончена ли Игра?

И эта скребущая мысль делает тебя маленьким. Ты вдруг чувствуешь, что расту в тебе, как в таракане. И если ты не такой как раньше – за метр девяносто, а такой как сейчас (малюсенький), то где же интересно ты будешь жить? Ответ очевиден – за плинтусом. А где тебя потом похоронят? Да там же.

Из того, что он купил, у него не взяли ничего. Вы только вдумайтесь в это ужасное слово – «ни-че-го». Ноль. Зеро. Пустота. Вакуум.

Взяли только зубную щетку и пасту. И туалетную бумагу. И то, только три «бомбочки». Из двенадцати. (Со словами «вы шо себе думаете, она сюда на полгода приляжет»? С ужасной улыбкой Люцифера на лице. В которой перемешан в один коктейль женский сарказм и женская неприязнь. Столкнувшись по жизни с таким коктейлем, каждый третий мужчина начинает верить, что ведьмы существуют. А каждый десятый в то, что Люцифер и сам женщина.

В белом халате. С сарказмом на лице. С холодом в душе.

Господи, спаси и сохрани! От такой наглости наш «Ахиллес» аж охренел. И онемел. И побледнел. Да что там побледнел. Его даже слегка перекосило. Свят, свят.

Как сказал бы врач-сексопатолог – впал в ступор. Если бы такую дерзость себе позволил мужчина, он бы его стёр в порошок, набил бы этим порошком курительную трубку, вместо табака, и выкурил бы её. Он бы у него в дымок превратился. Ветер живо подхватил бы этот дымок и быстро разнёс его по великой казахской степи. И пришла бы этому дымку амба. Чтоб ему ни дна, ни покрывки.

А тут такая пигалица в белом халате, медсестра, от горшка два вершка, а уже «вы шо себе думаете»? И ведь знает, зараза, что такую крошку никто пальцем не тронет. И борзет.

Ты мужа своего поучи щи варить! Колибри, блин.

Не взяли даже тапочки, под предлогом того, что не положено, а одели жену в местный секонд-хенд – в старый халат, в растоптанные тапки и роддомовскую выцветшую сорочку. Хорошо, хоть трусы и лифчик свои оставили.

Тапочки были разные. Левый – синий, правый – голубой.

*Тапочки были разные.
Левый - синий, правый - голубой.*

Глава 9

Большой Брюнет уважал Маркса. И ничего не имел против его нетленки «Капитал». Но выделенное в предыдущей главе черным предложение стало его собственной формулой неразвитого социализма. Её ему сама жизнь начертила.

Жизнь по своей сути видимо математик, физик, или химик. Хлебом её не корми, а дай хорошему человеку начертить пару формул. Ну так, знаете ли, на досуге... И кто эти формулы не учит... Тому жизнь поперёк горла костью становится.

Конечно, если не присматриваться, то можно этого и не заметить. И быть бесконечно далеко от любых формул. И львиная доля мужей так и поступила. То есть жила в гуманитарном бесформульном мире. Так было значительно проще. В этом мире можно было вообще ни на что не реагировать. Или реагировать на всякую чешую, которая и выеденного яйца не стоила. Создавать бурю в стакане. И чувствовать себя при этом мятежным. «Ведь он мятежный просит бурю, как будто в бурях есть покой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.